

Глава III
Время Иринея Лионского

1. Расцвет древнего христианства

Если бы среди тех людей не было благодатной почвы, то как могло бы тогда зародиться христианство?

*Дж.Р.Мид*¹

В церковной истории утвердилось мнение, что со времен Нерона (вторая половина I в. н.э.) и до официального признания Константином христианства в IV в. государственной религией христиане на протяжении трех веков подвергались непрерывным массовым гонениям. Однако хорошо известно, что гонения эти имели свои подъемы и затухания. Как мы покажем далее, во II в. для распространения христианства создалась наиболее благоприятная обстановка. Несмотря на то, что расправы с христианами продолжались, в том числе и при жизни Ириней Лионского, но в это время они были отдельными, нехарактерными явлениями. Например, известно, что отец Оригена, Леонид, ок. 202 г. погиб мучеником. И Ориген, некогда вдохновлявший христиан не отрекаться под пытками, впоследствии сам подвергся суровым истязаниям и из-за них скончался. Но Ориген в первой половине III века называет общее число христианских мучеников-подвижников «маленьким и легко исчислимым», и такая оценка непосредственного очевидца современных ему событий кажется правдоподобной и заслуживающей внимания.

О масштабе расправ с христианами во II веке, т.е. при жизни Ириней Лионского, в церковной и светской историографии встречаются иногда сведения совершенно противоположные. Официальная церковная история уверяет в существовании государственного антихристианского террора, тогда как вдумчивые исследователи говорят о проявлении достаточно случайных местных бесчинств. Например, в своем разоблачительном четырехтомном труде по истории раннего христианства немецкий историк Карлхайнц Дешнер обвиняет церковных авторов в заведомом искажении фактов или их прямой фальсификации². Повествование и выводы Дешнера могут показаться чрезмерными или односторонними. Но историк вполне верно отметил бросающуюся в глаза неувязку в сообщениях Евсевия: например, на годы сильнейших гонений Диоклетиана (303 – 305 гг.), пришлось 91 жертва, тогда как на предшествовав-

¹ Мид Дж.Р. Аполлоний Тианский. М., 2001. С.18-19.

² Дешнер К. Криминальная история христианства. В четырех книгах. Кн.1. М., 1996. С.172-174.

ших императоров-мудрецов и любимцев народа — десятки тысяч. Причина такого парадокса вполне очевидна — давность события, когда при отсутствии свидетелей «историю» можно подвести под соответствующую идеологию.

Из трех вышеописанных столетий доконстантинового христианства нас будет интересовать только II век. По Евсевию, получается, что это было время наибольших гонений. Любопытно, что этому сообщению Евсевия противоречит его же заявление о попытках императоров предотвратить нападки на христиан (см. далее). Выходит, что правители рождали справедливые указы, но их преступно не выполняли. Но в Римской империи того времени это было немислимо. Скорее всего, расправы вершились как бы вне правовой плоскости и были не продуманной политикой государства, а случайными взрывами страстей на местах. Другими словами, между нечастыми локальными вспышками насилия христиане жили достаточно спокойно. Если бы было иначе, то церковь II в. носила бы все признаки подпольной организации, а её ядро и главы церквей постарались бы селиться в безлюдных или малодоступных местах (что, например, в 250 г. случилось при гонениях императора Деция). Но о христианах II в. ничего подобного древнехристианские авторы не сообщают. Напротив, судя по всему, время христианских собраний властям было тогда хорошо известно (воскресенье); найти главу любой христианской церкви, место собраний, как и места христианских захоронений, можно было весьма просто. Последние даже охранялись законом. Все это явно непохоже на ту картину тотальных гонений, какую увлеченно рисуют Евсевий, а вслед за ним и остальные церковные историки.

Наше исследование показало, что периодически вспыхивавшие расправы над христианами во II в. имели место. Но было это не целенаправленной государственной политикой, а отдельными локальными проявлениями, с которыми императоры, в меру их повторяемости, боролись, как и с недопустимыми бунтарскими злоупотреблениями толпы. Сам факт обострения борьбы внутри церкви (между ортодоксами и гностиками) с очевидностью свидетельствует о благоприятном общеисторическом фоне для развития христианства и христианской догматики — во время тотального истребления внутренними распрями не занимаются.

В том, что касается личностей императоров того времени, авторитетный церковный историк В.В.Болотов в разделе «История (христианских) гонений» отмечал особо благородный характер эпохи, получившей название *эпохи Антонинов*. Эту эпоху инте-

ресно будет сравнить с последующим временем, когда получит распространение доктрина Ирины Лионского. Болотов о золотой эпохе Антонинов писал:

«18 сентября 96 г. Домициан пал жертвою заговора... Преемником его был император *Кокцей Нерва*, престарелый сенатор, правивший всего год и несколько месяцев (96 – 98). Домициан оставил ему, по-видимому, множество дел, возбужденных им против подозрительных личностей. Но новый благородный император отдал приказ о прекращении всякого следствия по обвинению в безбожности и соращении в иудейские обычаи. Точно так же политических изгнанников царствования Домициана он возвратил в Рим. В первый же 96 г. своего правления он отменил «иудейский фиск», чем заслужил особенную признательность сената, выбившего в честь этого факта монету.

Нерва открывает своим царствованием одну из самых блистательных эпох в истории Римской империи. Все пять императоров этой эпохи (Нерва, Траян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий) оставили по себе память как самые лучшие императоры, как цвет кесарей. Они высоко стояли и как нравственные характеры. То случайное обстоятельство, что четыре первых императора не имели потомства, побудило их ввести систему усыновления «достоинейших». В общем выбор императоров был чрезвычайно удачен. Хорош уже был престарелый Нерва, но выше его оказался его преемник *Траян* (98 – 117).

Человек, уже прежде прославившийся военными подвигами, он своими гражданскими качествами превзошел свою военную славу. Его отличала необыкновенная ровность характера, не изменявшая ему ни в столице, ни в провинции. Он был образцовым блюстителем старых римских прав и установителем новых прав. Любим народом он был необычайно; его боготворили еще при жизни. Три начала были положены им в основу своего правления: 1) добрый римский консерватизм, поддержка древних учреждений, не исключая и остатков римской свободы и влияния сената; 2) в связи с этим забота о реставрации прародительской римской религии, к которой Траян относился с добросовестностью и строгою внимательностью; и, наконец, 3) гуманность, отвечавшая природному характеру Траяна; он заявил ее, между прочим, и в том, что серьезно поддерживал благотворительные заведения Нервы, основал приют для призрения детей (*alimentatio*). В этом отношении характеристично сохранившееся до нас изображение Траяна, на котором он представлен окруженным детьми, призреваемыми его *alimentatio*. Для характеристики одушевлявшего его чувства права

можно указать на слова, которые он сказал, вручая в первый раз государственный меч префекту претории: «Употребляй этот меч в мою защиту, если я буду царствовать хорошо, и против меня, если я буду дурным государем». Вообще, Траян оставил по себе славу столь правосудного и доброго государя, что до самого IV века народ, приветствуя новопоставленного императора, обыкновенно восклицал: «Будь счастливее Августа и добрее Траяна!» (*felicior Auguste, melior Trajano*)

Преемником Траяна был усыновленный им *Адриан* (117 — 138)... Он далеко не пользовался тою любовью, какую пользовался Траян, и его апотеоза прошла не без сопротивления и состоялась только благодаря усилиям Антонина Пия.

Но зато правление этого последнего составляет кульминационный пункт всей этой эпохи, которая поэтому и называется эпохою Антонинов. *Антонину* (138 — 161) усвоено название *Pius*, что значит не столько благочестивый в религиозном смысле, сколько деликатно нежный, человечный в отношении к людям.

Как характер Антонин Пий представляется историками несравненным и почти безупречным. Все, что он делал, запечатлено необыкновенною мягкостью. Кровь в его царствование мало лилась и внутри империи, и даже на границах. Поэтому и правление его запечатлено характером необыкновенного мира и процветания всех провинций. Гуманность его была такова, что он действительно возвышался даже до идеала «человека на троне», и своими подданными он любим был необыкновенно, так что хотя умер более чем 70-летним старцем, однако смерть его была встречена с таким горем, как если бы он скончался молодым юношею. Его апотеоза прошла без малейшего затруднения, потому что все наперерыв (*certatim*) принялись боготворить его.

Преемник Антонина *Марк Аврелий* (161 — 180), как характер, ниже Антонина. Ему недоставало той естественности и общедоступности, которая отличала его предшественника; но и Марк у историков оставил славу возвышенного характера: находили в нем «*coeleste ingenium*». Это был человек высокого образования, преданный занятиям философией до такой степени, что современники считали его одним из наиболее серьезных философов своего времени, и когда нужно было выступить в поход против германцев, то приближенные просили императора на всякий случай обнародовать свои философские сочинения, чтобы они не погибли, если случится какое-нибудь несчастье. Держал и он себя, несмотря на некоторую шероховатость характера, настолько доступно, что все подданные считали его близким себе каждый по своему возрасту, — молодые

признавали его отцом, равные по летам братом, а старшие по летам сыном. Его политические соперники считали его пороком, что он занимается философией слишком много для императора, и обзывали его *anacula philosopha* (старушонка-философесса), и признавали, что хотя сам он лично совершенно безупречен (*Marcus homo sane optimus*), но, занимаясь философией, слишком плохо смотрит за тем, что творят в провинциях поставленные им *praesides*, и не обращает внимания на то, что какой-нибудь нищий сегодня, сделавшись сановником, вдруг собирал огромные богатства. Тем не менее Марк Аврелий пользовался такою любовью народа, что почти всякий подданный имел его изображение в числе домашних богов...

Таким образом, со стороны лиц, — пишет В.В.Болотов, — восходивших по преемству на престол, царствование Антонинов прошло блистательно. В сознании своих отдаленных потомков эти императоры остались представителями счастливой эпохи Римской империи, и, может быть, это сознание последующих поколений лучше всего характеризует значительность этой эпохи в истории. Оказывается, что имя «Антонин» было любимо необычайно. Многим представлялось оно божественным именем, так что считали почти невозможным придумать в латинском языке имя более священное, чем Антонин. В усвоении последующими императорами этого имени видели нечто большее, чем блестящую политическую программу: находили в этом, так сказать, палладиум процветания Римской империи под державою государя, который называется Антонином. Когда сын Марка Аврелия, Коммод, положивший конец блестящей эпохе Антонинов, вздумал усвоить себе имя Геркулеса, то его современники признали просто смешным, что он, нося имя Антонина, хочет принять еще другое божественное имя, а в Риме появилась эпиграмма на Коммода, который полагает, будто славнее быть богом (*clarius esse deum*), чем государем с таким блистательным именем, как Антонин...

Вот такая славная эпоха, — завершает Болотов свое повествование о времени рождения епископальной церкви, — открывается в Римской империи со смертью Домициана (96 г.)»¹.

А.Гарнак описывает вполне благожелательные отношения между императорами и христианами во II в. н.э.:

«Оценка государства со стороны христиан, со времени написания Послания к римлянам и Откровения Иоанна (согласно Гарнаку, кон. I в. — А.В.) и до дней Александра Севера (222 — 235), ис-

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.65-69.

пытала значительные колебания; но в общем она стала благосклоннее. Подозрение, даже утверждение, что Римское государство есть царство дьявола, а император — антихрист, возвращалось время от времени, но все больше оттеснялось на задний план. Апологеты (христианства. — *А.В.*) Иустин и Тертуллиан считали возможным видеть в “хороших” государях друзей и даже защитников истинной веры; на исходе второго столетия было широко распространено мнение, что Траян, Адриан и оба Антонина **не предпринимали лично от себя ничего враждебного христианству** (выделено нами. — *А.В.*)... Мероприятия императоров к восстановлению добрых нравов находили свое признание со стороны христиан; и иному христианину самое государство, заботящееся о мире и благосостоянии, представлялось ценным благом. Некоторые апологеты стремились выставить христианство в глазах императорского правительства как полезную для государства силу. Дальше всего в этом направлении пошел апологет епископ Сард — Мелитон (ок. 176 г.) в своем апологетическом сочинении, преподнесенном им императору Марку Аврелию. Его слова заслуживают того, чтобы быть приведенными здесь.

“Хотя эта наша философия (христианская. — *А.В.*), — пишет он, — пустила впервые ростки среди чуждого народа (иудеев. — *А.В.*), но когда затем, при могущественном правлении предшественника твоего Августа, она начала расцветать в провинциях твоего государства, то принесла твоему государству, особенным образом, щедрые блага. Ибо с того времени непрестанно возрастали могущество и блеск Римского государства, для которого ты являешься и будешь желанным повелителем вместе с твоим сыном, если станешь защищать эту возникшую при Августе и одновременно с государством возвращенную философию (христианство. — *А.В.*), пользовавшуюся, наряду с другими религиями, почетом и со стороны твоих предшественников. Лучшим доказательством того, что наша вера процветала одновременно со столь счастливо начавшеюся монархией и на благо ей, служит то обстоятельство, что со времени правления Августа ни одно несчастье не постигло эту монархию, а, напротив, всё, согласно общему желанию, лишь умножало ее великолепие и славу. Единственными императорами, которые, будучи соблазнены злонамеренными людьми, стремились ввести в худую славу нашу веру, были *Нерон* (54 — 68) и *Домициан* (81 — 96); и от них пошедшая ложь, чернившая христиан, распространилась дальше, согласно обыкновению народа, без того, чтобы проверена была справедливость молвы”...

Таким образом, — делает вывод Гарнак, — церковь, вплоть до времени Александра Севера (222 — 235), *по всем пунктам* сближалась с государством...»¹, то есть никакой политики жестоких гонений на христиан во II в. не было.

Однако церковное утверждение о громадном числе христианских мучеников II в. оказалось настолько устоявшимся, что Болотов, вопреки им же написанному о добропорядочности императоров и неподдельной к ним любви населения («Траян оставил по себе славу столь правосудного и доброго государя...» и т.п.), вынужден был вдруг написать: «Но для христиан (в отличие от остального счастливого населения империи. — *А.В.*) это была эпоха, в которой их положение сменилось к худшему... Под какими влияниями совершилась эта перемена, вызвавшая новое отношение к христианству, для разъяснения этого в истории нет прямых данных»². Но, может быть, самым разумным и простым объяснением такого невероятного избирательного несчастья, «свалившегося» на христиан II в., является слишком богатое воображение отдельных отцов церкви? Отцам церкви почему-то совсем не приходила в голову идея, что Божественное Провидение, которому церковные авторы отводят столь заметную роль, могло во II в. способствовать приходу к власти высоконравственных императоров-Антонинов и тем самым предоставить христианству исторический шанс укрепиться и широко распространиться по всему миру. Было ли это естественное стечение обстоятельств, способствовала ли этому предшествовавшая деятельность Аполлония Тианского или еще какие-либо целенаправленные «внешние» влияния, утверждать сложно. Но после потрясений и ужасов I в. (Калигула, Нерон, Домициан) в Империи наступило замечательное мирное время, следствием которого стало явление христианства как теперь уже заметного исторического феномена. Было бы неверным идеализировать условия становления новой религии. Но неверно их и чрезмерно драматизировать. К тому же понятия «лучше» и «хуже» — весьма относительны. В изложении церковных историков данное время было для новой религии ужасным. Но, с другой стороны, время Антонинов общепризнано как один из лучших периодов в истории Римской империи. Без столь благодатного времени, в других, а именно — худших услови-

¹ Гарнак А. Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.328-329, 331.

² Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.69.

ях, христианство, возможно, вообще не выжило бы. Но мы видим, что история христианству благоприятствовала, причем громадную, даже решающую роль в этом сыграл рассматриваемый нами второй век. Признание христианства в начале IV в. государственной религией в этом смысле стало только материализацией уже состоявшегося факта, свершившегося в духовном (тонком) плане.

Итак, император Нерва был образцом терпимости и человеколюбия. За короткий срок его правления никаких «зверств», согласно Болотову, не произошло. Далее следует Траян. Ему приписывают проведение политики гонений на христиан в связи с так называемым «рескриптом Траяна» (письмо Траяна Плинию). Этот самый «рескрипт» из-за энергичного звучания слова воспринимается иногда почти как «меморандум» или «указ». Однако в римском праве это слово означает всего лишь «письменный ответ» (на юридический запрос), причем частного характера. Письмо является частью корпуса переписки Траяна с Плинием, императорским легатом в провинции Вифиния и Понт в 111 – 113 гг. н.э. Еще в XVIII веке два таких выдающихся ученых, как Гиббон и Земмер, оспаривали достоверность этой переписки. В новейшее время (1875) довольно громко заявлено было сомнение в подлинности её французским ученым Обэ¹. Откуда же стало известно о существовании этого письма-«рескрипта»? Оказывается, тот «рескрипт», который заслуживает хоть какого-то доверия (остальные его версии, по мнению Болотова, фальсифицированы ревнителями церкви), «сохранился в двух редакциях, которые в некоторых пунктах между собою разнятся: в греческом переводе у Евсевия и на латинском языке у Руфина. Этот латинский текст (Руфина. — *A.B.*), по мнению одних, есть только обратный, не совсем точный перевод из Евсевия, по мнению других — подлинник рескрипта, каково бы ни было его происхождение»². Как бы то ни было, оба источника информации — апологеты церкви.

Запрос к императору был о следующем: можно ли привлекать христиан к суду без доказательства их вины по одному лишь настроению (крикам) недоброжелателей. Траян ответил:

“В разбирательстве дела о тех, на которых донесли тебе, как на христиан, ты поступил, дорогой мой Секунд, как должно, и невозможно в самом деле установить какого-нибудь всеобщего правила в смысле определенной и неизменной нормы. Разыски-

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.71.

² Там же. С.89.

вать их (христиан) не следует, но если их обвинят и уличат [в преступлениях], то их должно казнить”.

Далее следует очевидная богословская вставка (выделена нами курсивом), написанная во времена императоров-христиан, будто бы равно озабоченных вопросами веры, как и государственной власти. Ничего такого при Траяне не было.

“Однако тот, кто не признает себя христианином и докажет это самым делом, т.е. поклонившись нашим богам, тот получит прощение за раскаяние, хотя бы прошедшее его было подозрительно.

Но безмянные доносы не должны иметь места ни в каком процессе. Это было бы самым худшим примером и недостойно нашего века”¹.

Если бы главы соответствующих поздних церквей придерживались хотя бы половины того благородства и стремления к порядку и справедливости, явственно проступающих из приведенного ответа императора, разве оказались бы замученными и сожженными десятки тысяч ни в чем не повинных людей, обвиненных в «сношении с дьяволом» или в прочих «смертных грехах»? Рескрипт безупречен, а автор достоин носимого звания — одного из добрейших и порядочных императоров. Проблема не в письме, а в последующем богословском комментарии к нему. Согласно отцу церковной истории, Евсевию, первоначально Траян якобы издал некий эдикт (о котором истории ничего неизвестно) о «повсеместном преследовании христиан», но потом, когда из донесения Плиния узнал, что христиане являются пред трибуналом во множестве, и убедился, что они безвредны, запретил разыскивать христиан и, однако, приказал казнить их, если только они попадутся. Налицо традиционное рождение мифа: за основу берется реальное событие (письмо Траяна Плинию), а затем из скупой информации вокруг достоверного факта разворачивается масса слов, причем касающаяся очень узкого круга лиц (словно, кроме *Плиния*, в громадной Империи не было иных глав провинций) и с полным отсутствием важных исторических подробностей, которые можно было бы перепроверить.

Против заведомо обвинительного уклона богословского комментария говорит, во-первых, недоказанность превращения частного письма (написанного в связи с конкретными беспорядками в одной провинции) в циркуляр для всей Империи. Болотов пишет:

¹ Цит. по: Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.74.

«Нам неизвестна в полном объеме судьба этого письма. В конце концов, отчего не предположить, что с подобным же вопросом к Траяну мог обратиться и другой кто-либо, и тогда Траян мог разослать свое письмо в виде циркуляра»¹. Однако можно предположить, как мы это и сделали (см. курсив), и позднюю вставку в письмо Траяна. Во-вторых, очевидна неадекватность церковного комментария. В Империи, включавшей многие народы и религиозные культы, христиане были отнюдь не самыми буйными верующими (это, по мнению Евсевия, признавал и Траян), а неприятие жертвоприношений и отказ от поклонения императору как богу допускались и в случае с иудеями, и, надо думать, с парсами (зороастрийцами). Однако с подобным отношением тех же иудеев римские власти давно смирились и преступлением его не считали. Крупнейший историк Рима Т.Моммзен писал:

“Как Веспасиан, так и последующие императоры в отношении к иудеям придерживались, по существу, общих принципов политической и религиозной терпимости; более того, изданные в отношении их исключительные законы по-прежнему были направлены главным образом на то, чтобы освободить их от общегражданских обязанностей, несовместимых с их обычаями и их верой, и потому эти законы прямо характеризуются как привилегии... Иудеи не встречали никаких препятствий к основанию своих синагог и молитвенных домов, равно как при назначении их настоятелей...”².

Аналогичное отношение было у римских императоров к многообразным египетским, малоазийским и пр. культам Империи. Болотов приводит свидетельство Тертуллиана о прекрасных отношениях между императором и христианами³. Тертуллиан писал:

“Нерон был государем до такой степени дурным, что нет сомнения, что он мог преследовать только весьма хорошее (т.е. христиан. — *А.В.*). Между тем лучшие императоры нисколько не считали христиан вредными для общества. Например, Траян до такой степени убежден был в невиновности христиан, что запрещал даже разыскивать их. И при последующих императорах положение христиан нисколько не изменилось к худшему; напротив, они стараются облегчить их положение: так Марк Аврелий строжайшим образом запретил обвинять христиан только за христианство”⁴.

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.79.

² Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.439-440.

³ Болотов считал, правда, это свидетельство Тертуллиана тенденциозным.

⁴ Цит. по: Болотов В.В. Там же. С.85.

Болотов пишет, что во втором столетии «на римском престоле находились императоры вообще лучшие, каких только знает история этих веков. Все, по-видимому, чувствовали себя как нельзя более довольными их правлением»¹. Каким же образом, спросим мы, самые лучшие, образованнейшие и умнейшие за всю позднюю историю античного Рима императоры вдруг оказались бессильны противостоять неведомым сплетникам, оклеветавшим христиан как «страшных врагов Империи»? Откуда взялись эти рассказы о гонениях на христиан во II веке, организованных будто бы самими императорами? Каким образом проявление беззакония в отдельных местах превратилось в апокалиптическое сражение Церкви со «зверем» Империи, стремящимся пожрать «детище Христа»? Ответ один — константинова церковь нуждалась в ореоле святости. Ничто лучше, чем мученичество, не способствует укреплению веры, за которую были положены жизни. Для обращения населения Империи в ставшее теперь государственной верой — христианство требовались впечатляющие, легкопонятные доказательства. Именно при Константине были откопаны многие «чудотворные реликвии» и найдены «Святые места» из ветхозаветной и новозаветной истории. «Чудовищные гонения» на христиан стали одним из столпов новой мифологии.

Без рассказов о «зверских гонениях II в.» некоторые ключевые фигуры церковной истории оказались бы вялыми и невыразительными. «Авторы» того ограниченного круга церковно-иерархической традиции (Поликарп Смирнский, Игнатий Антиохийский и Климент Римский) — все оказываются святыми мучениками. Поистине если бы не мученический конец их жизней, то их послания (если они действительно были ими написаны) остались бы не более чем частными и, по правде говоря, довольно блеклыми сочинениями.

Итак, «в царствование Траяна, — пишет Болотов, — по свидетельству Евсевия Кесарийского, почтили мученическую смертью епископы Игнатий Антиохийский и Симеон Иерусалимский и по преданию, не подтвержденному Евсеем и более древними авторами, сверх того Климент Римский»².

Но выше показывалось, что две фигуры из трех названных: Игнатий Антиохийский³ и Климент Римский⁴ — как исторические лич-

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.85.

² Там же. С.79-80.

³ «Подробности мученической кончины Игнатия Богоносца, — пишет Болотов, — очень смутны. До нас дошли два подробных сказания об его кончине, существенно различные друг от друга» (Болотов В.В. Там же, с.81). Болотов объясняет причину гонения разразившимся страшным землетрясением, породившим

ности более чем проблематичны. Третья же личность — Симеон Иерусалимский оказался жертвой гонений, согласно Болотову, как еврей-давидид, т.е. как претендент на иудейский престол¹, а это уже «чужая», а не христианская история. Т.е. все три личности только с очень большим допущением могут быть отождествлены с личностями исторического христианства и объявлены его мучениками.

тревожное состояние умов и приведшим, возможно, к сваливанию вины за это на христиан (там же).

⁴ В.В.Болотов отмечает важную деталь сведений о Клименте: «В особенности важно молчание св. Иринея Лионского, который, перечисляя римских епископов (Против ересей, III.3.3), лишь об одном Телесфоре (ум. 135-137) замечает: "...который славно засвидетельствовал" (мученичеством свою веру), и не упоминает о мученичестве Климента, тогда как это был бы первый мученик на римской кафедре... Ввиду такого состояния исторических данных не только протестантские, но и католические ученые по вопросу о Клименте колеблются. Протестанты иногда ставят вопрос весьма круто и предполагают, что или предание о Клименте, епископе римском образовалось из предания о Клименте консуле, который казнен при Домициане, или Климент консул явился из Климента, епископа римского» (Болотов В.В. *Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т. 3. М., 2001, с.83*). «Судя по древним календарям, — пишет Болотов, — нет никаких оснований предполагать, чтобы в Риме чествовали память Климента мученика. В карфагенском календаре упоминается мученик Климент, но он не называется епископом, что делается относительно Ксеста, Киприана и др. Более древнее "Depositio martyrum" упоминает также о мученике Клименте, но под другим числом (в ноябре месяце) и снова без слова "епископ". В римском "Liber pontificalis" говорится, что Климент скончался в Греции в марте. Ввиду всего этого, естественно, что вопрос о месте мученической кончины Климента приходится считать темным и неразрешимым на основании древних исторических памятников. Что касается того, что первоучители славянские нашли в Крыму мощи Климента и его ученика, то это без сомнения было для того времени, в которое они жили, фактом. Но сами по себе нетленные мощи не удостоверяют исторической личности, если не сохранилось других преданий, и факт принесения мощей из Крыма св. Константином несколько не устраняет сомнений, возникающих из отсутствия нужных свидетельств в древней христианской литературе. История Крыма совсем не такова, чтобы предания могли здесь храниться неповрежденными; это могли быть мощи какого-нибудь другого Климента, пострадавшего здесь с учеником своим и отождествленного с Климентом римским. Что местные жители называют его «римским» епископом, в этом нет ничего удивительного. Это могло тем скорее случиться здесь с другим лицом, что Крымский полуостров был заселен различными народностями. Прочно с римской империей жители его не были связаны; естественно, что пришедшего сюда иностранца мученика они назвали «римским». Также и то, что и в Риме встречают его как епископа, неудивительно: историческая эрудиция папы Николая I была очень невысокой пробы, даже касательно событий ближайшего времени, а тем более касательно древних преданий» (там же, с.84). То есть история о Клименте, вероятно, была создана только в IV веке, и скорее всего — папами Римской церкви.

¹ Болотов В.В. Там же. С.82.

Может быть, репрессированных ярких фигур христианства стало больше после Траяна? Евсевий пишет: «После него (Траяна) правление принял Элий Адриан. К нему Кодрат обратился с Апологией, составленной в защиту нашей веры, так как некоторые *злые люди* (курсив наш. — *А.В.*) старались не давать нам покоя» (ЦИ.ІV.3.1). Любопытно замечание, приводимое Евсевием, об отсутствии гонений извне в это время, ибо, по его словам, христианство начало испытывать проблемы в большей мере изнутри: «Раньше он (Сатана) подготовлял гонения [на христиан] извне, теперь, лишенный этой возможности, воспользовался, чтобы губить души, услугами обманщиков и фокусников¹ (еретиков. — *А.В.*)» (ЦИ.ІV.7.1-2).

Болотов пишет о мучениках этого времени: «О гонениях при Адриане (117 — 138) есть лишь одно достоверное известие: епископ римский Телесфор в 135 или 137 г., по словам Иринейя, скончался мученически. Ириней есть единственный свидетель об этом, и ничего более о мученичестве Телесфора неизвестно»². Другими словами, свидетельства Евсевия о преследованиях при Адриане не имеют подтверждений и могут быть скорее вымыслом, а надежно лишь одно и только об одном мученике на всю Римскую империю, причем за 21 год безупречного правления императора! И из уст кого? Иринейя Лионского! Комментарии, кажется, излишни.

Может быть, картина изменилась в дальнейшем? Болотов пишет: «На царствование Антонина Пия (138 — 161) падают два мученичества: епископа Поликарпа в Смирне и нескольких мучеников в Риме»³. Но по поводу Поликарпа, как уже отмечалось выше, также имеется масса вопросов. Болотов, в частности, пишет: «Дата мученической кончины св. Поликарпа (ок. 166 или ок. 156) весьма спорная. Это мученичество, собственно говоря, составляет крест для хронологов...»⁴. Действительно, ученые потратили много сил на выяснение истинных сроков кончины Поликарпа. Но, право, существовал ли сам Поликарп — этот муж, связавший своею личностью апостольское и новоцерковное (иринеевское) время и избранный Иринеем единственным «свидетелем» «причастности» Иринейя к апостольской преемственности?

Далее идут годы правления Марка Аврелия (163 — 167). «На первые годы царствования императора, — пишет Болотов, — ...па-

¹ Евсевий говорит здесь о гностике Василиде (125 г.).

² Там же. С.93.

³ Там же. С.93.

⁴ Там же. С.93.

дает мученическая кончина самого Иустина Философа и 6 его учеников... О положении христиан в то время мы почерпаем особенно обстоятельные сведения из послания галльских церквей — лионской и виеннской...»¹. Но из факта, случившегося на окраине Империи, вряд ли можно делать вывод о положении христиан на всей территории Империи.

Таким образом, становится очевидным, что если даже и были во II в. расправы над христианами, то это выбивалось из общего строя жизни в Империи; скорее всего, это проявлялось только в тех местах, где имелись многочисленные враги христиан, и было, по всей видимости, вызвано элементарными провокациями, с которыми императоры, как с любыми злоупотреблениями толпы, усиленно боролись. Болотов правильно отмечает: «В опасность со стороны христиан, в их действительную чисто политическую враждебность Риму, правительство в большинстве случаев просто не верило, как не доверяло и тем ужасам, которые рассказывала о христианах народная молва... Политически преступник (христианин. — *А.В.*) был безвреден; кровавые меры (с точки зрения морали императоров того времени. — *А.В.*) не гуманны. Когда христиане входили в столкновение с государственным законом, их казнили (нужно было поддержать авторитет государства); но когда их можно было игнорировать, их игнорировали. Но собственно только религиозное воодушевление (властей и народа. — *А.В.*) могло вызвать систематическое преследование христиан, а этого воодушевления и не было. Поэтому-то правительство вначале само не вело активной борьбы с христианами (до середины III в. — *А.В.*), а при столкновениях с ними народной массы оно являлось лишь судьей и при этом скорее сдерживало массы, чем возбуждало их... Положение христиан было трагическое, но не столько потому, что верховная власть была им враждебна, сколько потому, что под их ногами не было твердой юридической почвы. Христиане могли существовать даже открыто, могли даже благоденствовать; но достаточно было одного доноса из-за мелочного личного столкновения, — и их противогосударственный характер выяснялся на суде и их преследовали»².

Важно отметить, что у самого Евсевия и у Руфина упоминаются императорские эдикты II в., направленные не на гонения, а,

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.103.

² Там же. С.28-29.

наоборот, на «ограждение христиан от преследования черни»¹. Данные свидетельства разрушают легенду о государственном преследовании христиан в это время, а тем более делают несостоятельным миф о деятельном участии самих императоров в пытках и судилищах над христианскими святомучениками.

По мнению Болотова, таких охранительных императорских эдиктов II в. до нашего времени в трудах церковных апологетов сохранилось три:

1) Адриана (у Евсевия и Руфина, IV,9, и в Первой апологии Иустина),

2) Антония Пия (у Евсевия и Руфина IV, 13 и в приложении к апологиям Иустина) и

3) Марка Аврелия (в приложении к Первой апологии Иустина)².

Но Болотов и многие другие историки в двух последних сообщениях видят «христианскую руку»³, т.е. признают их подложными.

Рескрипт Адриана, защищающий христиан, Болотов признает достоверным. Полный текст послания Адриана таков:

“Минуцию Фундану.

Я получил послание светлейшего Серенния Граниана, твоего предшественника, и не считаю возможным оставить этот доклад без ответа [*Евсевий: без расследования*], чтобы и людей [*Руфин: и невинных людей*] не подвергать тревоге, и клеветникам не дать повода грабить [*Евсевий: делать зло*]. Если жители провинции желают открыто вести дело против христиан и в состоянии будут на суде уличить их в чем-нибудь [преступном], я этого не воспрещаю им. Но только просьбы и только вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то гораздо справедливее тебе расследовать взводимые на них обвинения. Таким образом, если кто-нибудь обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-нибудь противозаконное, то ты наложишь наказание смотря по силе преступления. Но если кто-нибудь обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, то, клянусь Геркулесом, ты обязан строго наказать его за такое негодное дело”⁴.

Другими словами, император запрещает судить за одно лишь имя «христианин», к чему, вероятно, под давлением толпы иные

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.86.

² Там же. С.86.

³ Там же. С.87.

⁴ Цит. по: Болотов В.В. Там же. С.89.

судьи (или местные власти) иногда были склонны. Тертуллиан, по образованию юрист, подтверждает незаконность таких судилищ (незаконность осуждения за *самое имя* с точки зрения римского права). Тертуллиан в начале III века полемизирует с гонителями христиан:

“в ваших приговорах упоминается только то, что получено признание христианина. Итак, здесь не указано никакого преступления, разве только считать преступлением само имя. И действительно, имя есть истинная причина вашей ненависти к нам. Итак, [в действительности] обвиняется имя... Поэтому вы не хотите знать то, относительно чего убеждены, что вы этого наверняка не знаете, а поскольку вы не верите тому, что не доказано, то, чтобы это не было легко опровергнуто, вы ничего не хотите расследовать для того, чтобы, ссылаясь на преступления, наказывать враждебное вам имя. Вот нас и принуждают отречься, чтобы лишить нас нашего имени. Когда же мы отречаемся, с нас (сразу) снимают все обвинения без всякого наказания за совершенное (в отличие от иных «преступников». — *А.В.*)... Скажите, а в чем вина имени, какой его недостаток и вред?... Обвинению вашему [нами] дается отвод: нельзя обвинять в таких преступлениях, которые не определены законом, не подтверждены уликами и не указаны в постановлении суда...

Вы знаете дни наших собраний, почему нас и осаждают, и притесняют, и хватают на самых тайных наших собраниях. Однако наткнулся ли кто когда-нибудь на полуобъеденный труп? Заметил ли кто-нибудь на залитом кровью хлебе следы зубов? Увидел ли кто какое-либо бесчинство, чтобы не сказать кровосмешение, рассеяв мрак внезапным светом?” (К язычникам, I.3; 7).

В приведенных рескриптах (Адриана и Траяна) проглядывается одна и та же причина их написания — непрекращающиеся нападки на христиан со стороны «черни». Упоминаются «вопли» и прочие характерные детали характерного аффектного поведения толпы.

Современный читатель может подумать, что римский закон преследовал христиан за *веру*. Безусловно, во все времена и у всех народов хула на почитаемого в данной местности бога (богов) влекла неминуемую расправу. Но в древнем мире, в многонациональных империях, можно было вполне свободно исповедовать различные религии. Существовала, конечно, разница в отношении властей к древним культам на территории Империи и к новоявленным сектам, но далеко не в той мере, как об этом пишут церковные историки в случае с христианством. Безусловно, обращение в чужую веру коренного населения во многих странах не до-

пускалось. Всеми захватчиками во все времена местные культы чтились¹. Другими словами, римские законы не считали преступным поклонение *местным или племенным богам*, ибо сам римский пантеон имел их громадное количество, легко перенимал чужих богов с завоеванных территорий, и в силу самого политеизма до времен Диоклетиана (кон. III в.) императоры даже не стремились навязывать какого-то единого общеимперского культа. В каждой местности были свои особенности и свои пантеоны. Культ Египта, например, с его богатейшими традициями, естественно, отличался от афинского, а оба они — от римского. В разных городах особое предпочтение отдавали тому или другому богу, и за пределами Рима религиозные культы далеко не были тождественны римскому. Иными словами, как это сегодня установлено многими учеными, никакого *теологического* (доктринального) конфликта между христианами и Римом не могло быть в принципе. Но и на общекультурном уровне повода для конфликта не возникало. Просвещенные римляне в духовном плане руководствовались классической греческой философией и популярным в это время стоицизмом, и до появления великого Оригена (III в.) церковно-христианское богословие в догматическом смысле всерьез даже не воспринималось. Творения же ранних христианских гностиков по сути представляли собой варианты неоплатонизма, а потому вряд ли могли вызвать особое отторжение со стороны римских философов. О том, в каких преступлениях обвиняли христиан, за что их подвергали гипотетическим «императорским гонениям», исписаны целые тома, в том числе с подробнейшим исследованием Римского права. Однако если оставить на совести богословов их пристрастные комментарии, становится совершенно очевидным, что императоры эпохи Антонинов вовсе не горели желанием расправиться с христианами. Если бы они к этому стремились, то в их распоряжении было достаточно средств и достигнуть этого можно было весьма просто. Но тогда в памяти поколений остались бы яркие факты этой расправы, как это случилось с жестокостями Домициана, Деция и Диоклетиана, но ничего подобного о II в. неизвестно. Однако вернемся к церковной истории.

Например, Болотов, о времени творчества Ириния Лионского пишет: «В провинциях положение христиан зависело весьма часто от личного произвола президов. У Тертуллиана собрано несколько примеров, что проконсулы Африки нередко ограждали христиан

¹ Здесь опускается проблема противостояния между лунными и солнечными культами, о которой говорилось в книге «Кумран и Христос».

от ярости черни. Один из этих проконсулов (Cincius Severus) сообщил христианам формулу, как должны были отвечать обвиняемые пред его трибуналом христиане, чтобы быть освобожденными. Другой (Vespronius Candidus) отказался удовлетворить желание народа, требовавшего на казнь одного христианина, и мотивировал свой отказ тем, что удовлетворить подобное требование значит только поддерживать общественные беспорядки. Третий (Asper, 197 г.), когда ему представлен был один обвиняемый христианин, ограничился лишь тем, что подверг его легкой пытке, и, не доводя дело до смерти и жертвоприношения, освободил его, заявив своим ассессорам, что для него крайне неприятно ввязываться в подобные процессы. Наконец, о четвертом (Pudens) рассказывается, что к нему, проконсулу и пропретору, поступило для окончательного решения дело об одном христианине. Он уже признался в принадлежности к христианству, и документ об этом поступил к этому судье. Проконсул произвел второе дознание, после чего выяснилось, что обвинению христианина предшествовало *conscussio*, т.е. вымогательство к этому, что считалось бесчестным с точки зрения тогдашней этики. Тогда проконсул разорвал этот документ, заявив, что не станет судить человека при отсутствии обвинителя, и на этом основании освободил обвиняемого христианина»¹. В общем о II веке получаются как бы две разные истории: согласно Евсевию, в это время христиан тысячами с детьми и стариками умерщвляли самым бесчеловечным и диким способом, а согласно другой истории, императоры и проконсулы этого времени руководствовались соображениями высочайшей этики, чести и справедливости, дабы их защитить от произвола невежественной толпы. Какой же истории верить?

Совершенно очевидно, что отмеченным выше подзуживанием низов могли заниматься прямые ненавистники христиан. Это могли быть и иудеи, и те, кто считал христиан иудеями, да и вообще кто угодно — в крупных городах народ был очень разный. Мелитон Сардинский называет их «злонамеренными людьми», Евсевий — «злыми язычниками». Для поздних церковных историков гонения на христиан объяснялись традиционным графаретом: сначала язычники за праведную веру измывались над поклонниками Иеговы — иудеями, и вечно их гнали, а теперь точно так же — над христианами. Евсевий так и пишет, что виною в обоих случаях был Сатана.

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.109-110.

Но надо отметить, что между христианами и иудеями в их отношении к внешнему миру была существенная разница и христиан никогда, кажется, за невыносимость дальнейшего с ними сосуществования, как это было в случае с иудеями из страны или города не выдворяли. Иудеи жили замкнутым миром, обусловленным громадным количеством религиозно-бытовых ограничений, которые невозможно было бы соблюдать, проживая вперемешку с языческим населением. В Библии Йахве говорит об иудеях:

“Вот, народ (עַם — am) живет отдельно и между народами (גוֹיִם — goim) не числится” (Чис. 23:9).

Иудеям требовалась особая пища, они отказывались работать в субботу, они воспрещали браки с неевреями, от прозелитов требовали разрыва со своими языческими родственниками (вплоть до детей), они судились между собою в собственных судах, как правило, отказывались идти на государственную военную службу¹, их дети не должны были общаться с неевреями, чтобы не подпасть под влияние язычников. Похоже, что в древние времена почти во всех народах евреев воспринимали как инородное явление: во многих городских хрониках сообщается, что еврейские кварталы по настойчивому требованию еврейских старейшин всегда наделяли особым статусом². Всё это, естественно, порождало среди местного населения ответное чувство отторжения и многократно повторяемые в истории преследования евреев. Но с христианами все было иначе. Христиане, тем более, если говорить о святых и праведниках (речь идет не о таких радикалах, как Тертуллиан или ранний

¹ Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.418. Нахождение евреев в армии было проблематично по многим причинам. Например, с религиозной точки зрения иудей считался подчиненным непосредственно Богу, но никак не царю и не командиру. В силу национальной обособленности иудеи не могли идти против интересов своего народа, а в армии, как известно, необходимо выполнять разные команды. Иудеи обращались в собственные суды и решений светских судов не признавали; тем более они не могли исполнять команды командира-нееврея. Сами власти также не могли полагаться на евреев-солдат, поскольку общеизвестна была не лучшая репутация евреев-перебежчиков. Так, Дион Кассий писал о событиях, предшествующих взятию и разрушению римлянами Иерусалима в 70 г.: «Тут Тит снова обратился к ним (восставшим евреям), обещая неприкосновенность, но они оставались непреклонны, а пленники и перебежчики тайком портили у римлян воду и умерщвляли воинов, ежели отбьются те от своих, так что Тит неприятельских перебежчиков принимать к себе перестал» (Кассий Д. История Рима, LXVI.4.3. Цит. по: *Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.46).*

² Моммзен Теодор. Там же. С.418.

Афинагор), с любовью относились ко всему миру, никаких особых бытовых ограничений не имели, этнически и культурно происходили из тех же коренных народов и были естественной частью населения Римской империи. К несчастью христиан, о них злонамеренно распространялись тяжкие наветы и родилась дурная молва. Те обвинения, которые еще недавно египтяне, греки и римляне предъявляли иудеям (например, кровавые человеческие жертвоприношения), теперь обрушились на христиан. Так, при Нероне (лето 64 г.) запылал Рим — великая столица Империи, и на три четверти выгорел, а какие-то недоброжелатели, если верить церковной историографии, свалили вину за пожар на христиан (на назареев). Нерон не был любителем кровавых гладиаторских побоищ, но не исключено, что, стремясь ослабить народный гнев, он разрешил издевательства над сектантами и их избиение ¹.

¹ Тацит (ок.55 — ок.120) сообщает: «Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его (Нерона) молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Анналы, XV. 44). Данный фрагмент считается подвергшимся значительной христианской правке. Согласно нашему исследованию (см. «Кумран и Христос») имя «христиане» и история о «распятии Христа при Понтии Пилате» во времена Тацита еще только появились, поэтому Тациту они вряд ли были известны; но в его труд это сообщение было добавлено церковными апологетами. А.В.Вдовиченко пишет о том, что тогда еще не могло быть гонений на христианскую веру: «При этом более вероятно, что сами иудеи указали на христиан... Несмотря на покровительство жены Нерона, иудейской прозелитки Поппеи Сабины, в момент, когда под угрозой оказалось благополучие самого императора, иудеи могли быть (народом. — А.В.) поставлены под подозрение и подвергнуться расправе как общепризнанные ненавистники рода людского, тем более что иудейские

Евсевий описывает одну из расправ в Лионе, когда христиан обвинили в страшном грехе-flagitia («причащении кровью младенцев» и пр.) и подвергли истязаниям и пыткам, чтобы они во всем сознались. «Где только они (христиане Лиона) ни появлялись, — пересказывая Евсевия, пишет Болотов, — в них бросали камнями, их грабили и подвергали всевозможным притеснениям. За отсутствием презида в Лионе, когда все общественные порядки были нарушены, комендант города и муниципальные власти наконец решились принять на себя формальное вмешательство в дело христиан, чтобы положить конец анархии. В ожидании презида начались аресты в громадном количестве. Гонители христиан, не различая гражданского их положения, забирали рабов и свободных, знатных и незнатных... Начались пытки»¹.

Евсевий, в отличие от последующих историков, причину подобных событий усматривает не в императорах, а в «черни»:

«В то время многие места охватило такое гонение на нас, что Плиний Секунд, из наместников самый знаменитый, встревоженный большим числом мучеников, написал императору о большом числе людей, гибнущих за веру, и тут же сообщил, что не смог уличить их в нечестии и в чем-либо противозаконном; встав на заре, они воспевают Христа как Бога; запрещают прелюбодействовать, убивать и совершать другие подобные проступки; поступают они во всем по законам. В ответ Траян издал указ: христиан не разыскивать; попавшегося — наказывать. Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом — его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены. Рассказ об этом, — сообщает Евсевий, — взят из латинской Апологии Тертуллиана, который в переводе звучит так: “Впрочем, мы обнаружили, что разыскивать нас было запрещено. Плиний Секунд, правитель провинции, приговаривал христиан и лишал их звания граждан; смущенный их множеством, не зная, что ему впредь делать, написал импера-

кварталы не пострадали от пожара... Это было гонение не за веру, а за поджог, — неприязнь к иудеям была привычна, а ненависть к христианам еще не оформилась настолько, чтобы могло возникнуть особое гонение на саму их религию» (Вдовиченко А.В. Христианская апология // В сб.: Раннехристианские апологеты II — IV веков. Переводы и исследования. М., 2000, с.8).

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.104.

тору Траяну: никакого нечестия он у них не нашел, кроме разве нежелания служить идолам. Указал он еще, что христиане, встав на заре, воспевают Христа как Бога и, соблюдая свое учение, запрещают убивать, прелюбодействовать, наживаться, воровать и вообще совершать что-либо подобное. Траян ответил, что христиан не надо разыскивать; но попавшегося наказывать”. Так тогда и было» (Евсевий. ЦИ. III.33).

«Попавшегося наказывать», если даже о подобном Траян и писал, надо понимать в том смысле, что «наказывать, если тот совершил преступление» (убийство, кровосмешение и пр.), но не за то лишь, конечно, что он *христианин*.

За множеством жизненных перипетий бывает трудно усмотреть истинную подоплеку событий. У современной науки имеются свои объяснения истории, но наука не отвечает на вопрос: *зачем?* Для религиозного же сознания нравственный критерий жизни является основополагающим. Каковы же причины несчастий, постигнувших христиан в конце второго, начале третьего веков? Зачем, с какой целью, почему? «Авеста», например, сообщает, что религию Зороастра туранские воины искореняли чуть ли не уничтожением всего правоверного населения. Даже в весьма терпимой в прочих случаях Индии буддисты, преследуемые жрецами и правителями лунной династии ¹, вынуждены были удалиться в другие страны. Даже во времена «золотого века» Римской империи, при императорах — благодетелях и мудрецах, на новую веру, христианство, иногда имеют место всё те же нападки. В гонителях (или гонимых), как можно заметить, нет ни одинаковых этнических признаков, ни тождественных религиозных предписаний, ни схожей культуры. Все они разные, и тем не менее суть противостояния — одна.

На Востоке говорится:

«Сущность самых добрых провозвестий большинство встречает с ненавистью. Не только противодействие, но именно неистовая ненависть ползет за самыми полезными открытиями.

Кто-то подумает, что причину нужно искать в зависти, но на деле причина гораздо глубже. Она есть противоборство хаоса всему созидательному. Даже можно узнать по-

¹ О противостоянии *лунной* и *солнечной* династий см.: Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.271, 504, 522-523, 675.

лезность провозвестия по степени изрыганий ненависти. Не только злые насмешки, но самая губительная ненависть преследует всё что способствует обновлению жизни. Заметьте, как близки такие ненавистники к предательству. Они готовы к самому изысканному действию, чтобы повредить тому, что [в действительности] не нанесло им [никакого] ущерба.

Ненавистники разделяются на два вида. Одни служат мегафоном каждому полезному провозвестию. Справедливо замечено, что сильные люди воплощаются иногда с определенным назначением оказаться мегафоном целого движения. Нужно понять, что карма не отягощается при таком определенном назначении. Но следует запомнить, что второй вид ненавистников очень вреден, ибо они пытаются подставить лживые значения на путях продвижения человечества.

Вы не раз встречали таких вредителей. Невозможно оправдывать их тем, что они обуяны одержанием. Иначе каждый слабовольный человек найдет себе оправдание. У нас очень остерегаются таких подпадающих под губительное одержание.

Нужно помнить, что область Надземная особенно возбуждает ярость таких ненавистников. Они желают оставаться среди ветхой рухляди, но стараются надеть маску рассудительности. Много путей было загромождено такими притворщиками».

Надземное, § 676 ¹.

¹ Надземное. 1938 // Агни-йога. Т.IV. М.: Сфера. 1999. С.578-579. В квадратных скобках наше дополнение. — А.В.

2. Упадок и реакция

Так или иначе, но в результате лионских погромов, ставших возможными из-за удаленности Лиона от столицы и, вероятно, только поэтому остановленных слишком поздним вмешательством центральных властей, Иринея Лионский при наступившем затишье занял освободившуюся епископскую кафедру. Где он пребывал во время ловли и истязания его единоверцев — ничего не известно. Зато Евсевий сообщил, что будто бы лионские мученики из тюрьмы написали епископу Рима:

“Желаем тебе, отец Элевферий, радоваться в Боге сейчас и всегда. Мы попросили доставить тебе это письмо нашего брата и сообщника Иринея; просим тебя, будь к нему расположен: он ревностен к завету Христову. Если бы мы думали, что праведность доставляет человеку место, то мы поставили бы его, по его заслугам, первым среди пресвитеров церковных” (Евсевий. ЦИ.V.4.2).

Иринея это удивительное письмо и доставил. Выходит так, что в период гонений Иринея был в Лионе одним из достойнейших, ко всему прочему еще и наставленным в вере учеником апостола Иоанна — одним только этим являясь фигурой весьма заметной — однако во время гонений никто из гонителей на него внимания не обратил, и венец мученичества достался другим. Письмо напоминает текст, рожденный, что называется, «задним числом». Но может быть, вся история о благословении Иринея лионскими подвижниками вообще плод фантазии того же Евсевия? Ведь без этого Иринея выглядел бы совсем неубедительно: пришел неизвестно откуда, сказав, будто в юности или даже в детстве видел Поликарпа, а затем после уничтожения христиан Лиона занял пустующую разгромленную кафедру Лиона. Чей он был ученик в действительности, какие духовные подвиги снискал до того — сия тайна покрыта мраком.

Если верить Евсевию, в ходе репрессий оказалась уничтоженной вся главенствующая часть Лионской и Вьеннской церквей: «Из двух упомянутых Церквей забрали людей самых деятельных, на которых Церкви, по существу, и держались» (ЦИ.V.1.13). Далее ход мысли Евсевия мог бы повторить любой последующий апологет, когда произвольно соединяются общеизвестные факты, а подстроенный к ним малоинформативный домысел выдается за древнее предание. Например, Евсевий пишет:

“Последователи Монтана, Алквиада и Феодота во Фригии только-только заговорили тогда на людях о своих прорицаниях

(так как очень много и других чудес еще до того времени совершалось по Божией благодати в разных церквах, то многие поверили и их пророческому дару). Возникли по этому поводу разногласия, и братья из Галлии [из Лиона и Вьенны], изложив собственное суждение, осторожное и вполне правоверное, извлекли еще письма разных мучеников, у них [в Лионе] скончавшихся, которые те, беспокоясь о мире церковном, находясь еще в оковах, писали братьям в Азии и Фригии, а также Элевферию, тогдашнему Римскому епископу” (ЦИ.V.3).

Характерно, что Евсевий, в иных случаях указывающий источники сведений, на этот раз отмалчивается.

Итак, по выходе из подполья вместо того, чтобы обрушиться на провокаторов и подстрекателей, вместо того, чтобы с жаром начать отстаивать возвышенность христианской веры и христианской праведности (как это делали прочие христианские апологеты), Иринею Лионский всю свою энергию направил на борьбу с христианами-гностиками.

Кем же являлись столь ненавистные Иринею гностики и еретики?

Богатый торговец *Маркион*, противопоставивший доктрины Ветхого и Нового Заветов, явился в Рим при папе Гигине (главствовавшим в 137 – 141). Отцом Маркиона, согласно преданию, был епископ Синопа – оживленного торгового центра на Черноморском побережье Малой Азии. Маркион передал большую сумму пожертвований римской епархии, а также письма Павла, в которых обнаружилась резкая антиветхозаветная позиция. Впоследствии оказалось, что тексты писем, привезенных Маркионом, значительно отличались от тех, что были позже приняты церковным канонem. Некоторые авторы даже предполагают, что Маркион имел письма-оригиналы, неведь откуда у него взявшиеся, и что именно благодаря Маркиону церковь владеет Павловым наследием, хотя и значительно измененным затем корректорами. Главная ересь Маркиона, по мнению ортодоксов, заключалась в неприятии им Ветхого Завета. Маркион потребовал от представителей Римской церкви разъяснения, каким образом считают они возможным сохранить хотя бы внешнюю связь между иудаизмом и Христовым Откровением, вопреки прямому смыслу слов Христа о *невозможности вливания вина нового в мехи ветхие* (Лк 5.37), о *невозможности приставления заплатки к ветхой одежде, отодрав её от новой* (Лк 5.36), о *невозможности ожидать плода доброго от древа худого* (Лк 5.43-44). Маркион формулировал данный вопрос отнюдь

не догматически или сектантски, не сводил его к решению — какими текстами, Нового или Ветхого Завета, следует руководствоваться христианину. Проблема мыслилась им гораздо шире: следует ли соотносить христианское провозвестие и христианские идеалы с положительным опытом мировой культуры и восточной мудростью или же христианство должно быть заключено в тесные рамки национальной религии иудеев. Маркион утверждал, что суть данной проблемы заключалась в споре между апостолами Павлом и Петром и что только Павел следовал заветам Христа и передал миру истинный смысл Его учения, искаженного другими апостолами. По мнению Маркиона, Павел был призван к апостольскому служению именно для исправления ошибок, допущенных другими апостолами, т.е. для восстановления истинного понимания Христова Учения, оскверненного попытками сближения с иудаизмом. Смысл христианства — в безусловном отрицании иудаистского духа. Церковь же стоит на ложном пути, ибо она принимает, невзирая на ясные указания Павла, ошибочное учение о преемственной связи Ветхого и Нового Заветов. По мнению Маркиона, все евангельские тексты, содержащие указание на тождественность телесного Иисуса и вселенского Христа, суть измышления иудеев и иудействующих христиан, стремившихся извратить смысл спасительного явления Христа. Спаситель Своим пришествием открыл миру истинное Богопознание, возвестив Высшее Всеблагое Божество и упразднив закон ветхозаветного Йахве. Поэтому, по словам Маркиона, в Ветхом Завете и не могло быть никакого указания на Христа: то чаяние иудейского Мессии, которое толкуется Церковью в христологическом смысле, имело в виду лишь Мессию земного, могучего царя израильского, имеющего целью возрождение иудейства, — и Библейские пророчества о нем доселе не сбылись (о двух Мессиях — в солнечной и в лунной древнееврейской традиции см. «Кумран и Христос»¹). Явление Христа открыло роду человечес-

¹ Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002. С.268-269, 301, 502. В послевавилонской еврейской традиции утверждается, что будет два Мессии (Спасителя), первый — из рода *Иосифа* (ср. с Иисусом Христом), а второй, который спасет евреев — из рода *Иуды* (Давида). Например, Енох в «Книге Еноха» (еврейская редакция) заявляет:

“И я увидел: Мессию, сына Иосифа, и его поколение, и всё, что они сделают с язычниками. И я увидел: Мессию, сына Давида, и его поколение, и все сражения и войны, и всё, что они соделают с Израилем, как доброго, так и злого” (45.5) (*цит. по: Тантлевский И.Р. Книги Еноха. М.-Иерусалим, 2000/5760, с.233*).

В талмудической традиции доминирует точка зрения, что

“Мессия, сын Иосифа, — предтеча победоносного Мессии, сына Давида. В

кому познание Неведомого дотоле Высшего Божества и научило стремиться к Нему, отринув власть Демииурга (Йахве) и узы плоти, находящиеся во власти Демииурга. Как отмечает Ю. Николаев, «религиозное мирозерцание Маркиона всецело принадлежало кругу гностических идей; разница между ним и другими гностическими учителями заключалась лишь в том, что он искал практического применения их созерцания и пытался устранить все несогласия между этими созерцаниями и реальной действительностью, что он разглашал перед всеми братьями во Христе идеи, доступные, по мнению Василида, лишь одному человеку из тысячи. Именно в этом открытом выступлении Маркиона, так далеко ушедшего от туманного символизма василидиан или офитов, таилась для Церкви громадная опасность. Критика Маркиона, вынесенная из области трансцендентного созерцания в реальный мир прений об источниках и документах, являлась вполне определенной угрозой церковному авторитету, едва начавшему вырабатывать своё самосознание. И Церковь имела основание увидеть в Маркионе врага, почти равного по значению Симону Магу, но ещё более опасного в смысле разрушения устоев церковного христианства»¹.

Почти одновременно с Маркионом, около 140 года, пришел в Рим знаменитый гностик *Валентин*, который обрел здесь такую популярность, что чуть не сделался епископом Рима, но его переиграл Пий I.

Еще ранее, в 125–130 гг., учил другой известный гностик — *Василид*. Иные гностики или гностические системы прославились еще раньше. Пик основного творческого складывания доктрины раннего христианства, вероятно, пришелся на начало и середину II в.

Другими словами, это время характеризовалось мощным развитием христианской (недогматической) теологии, или, вернее сказать, — теософии. Гностическое, т.е. первоначальное христианство, пройдя в I в. фазу начального становления, во II в. принесло обильные плоды, открыв эпоху широкого распространения мирского христианства. Именно в это время на фоне или среди открываемых гностиками общедоступных церквей появляются первые

конечные дни первый Мессия (сын Иосифа. — *А.В.*) будет вести войны с врагами Израиля и падет в сражении” (*Тантлевский И.Р. Книги Еноха. С.233. См.: Вавилонский Талмуд, трактаты: Сукка, 52а-б; Бере'шит Рабба 75:6, 95, 99:2; Бембидбар Рабба 14:1; Шир Хашишим Рабба 2:13.4; Песикта' деРав Кахана 5:9; Мидраш Техиллим 87:6*).

¹ Николаев Ю. В поисках Божества. Очерки из истории гностицизма. Киев, 1995. (Перепечатка с издания 1913 г.). С.263.

догматические и ветхозаветно-ориентированные церкви, пропитанные фарисейским духом ригоризма, приверженные внешним обрядам и искусственным догматам. Зарождающееся догматическое христианство, лишённое духовной искры, поддержку своим устремлениям черпало то в аскетической экзальтации, то в буйной фантазии, гипертрофированно рисуя человеческое прошлое и настоящее. Довольно жалкие по сравнению с классической античной литературой творения христианских апологетов середины II в., зачисленные догматической церковью в свой актив, даже церковными назвать трудно. Некоторые из них были написаны молодыми авторами с характерным юношеским максимализмом, сменившимся впоследствии зрелыми представлениями, что повлекло сразу же признание церковью позднего творчества этих авторов еретичным. Отцы церкви столь усердно уничтожали раннехристианскую литературу, по их мнению, несущую еретические мысли, что II век теперь некоторым теологам представляется временем (в сравнении со временем ап. Павла) застоя и упадка. Оценивая немногочисленные труды христианских авторов II в., сохранённые церковью («Апостольские правила», «Пастырь» Гермы, Послания Климента, сочинения Аристиды, Иустина, Татиана, Афинагора, Феофила Антиохийского), Адольф Юлихер писал:

«Такой доморощенной морали (проповедуемой данными произведениями) соответствует и такой же доморощенный интеллектуализм в объяснении религиозных принципов... Особенно убогим кажется нам христианство апологетов потому, что от них, именно от них, на чью долю выпала задача сравнивать свою религию с прежними учениями для доказательства их ничтожества, ожидали возвышенного энтузиазма при раскрытии новых истин христианства. За небольшими исключениями, апологеты ограничивались тем, что в подражание стоическим и эпикурейским критикам осмеивали тупоумие мифов о богах... И помимо этого другие, мелочные черты присущи церкви II века... Проповедник во II Послании Климента, и апологет Аристид, и пророк Герма, и... Афинагор чувствуют себя только толкователями, а не творцами...»¹.

Но если освободиться от иллюзии, навеянной церковной историографией, о гностицизме, как о якобы «внешнем и чужеродном для христианства явлении», то окажется, что в действительности второй век в лице гностиков стал периодом блестящего развития и глубочайшего осмысления наследия Христа (см. Приложения 7 —

¹ Юлихер А. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.261-263.

10), тогда как догматическое христианство только-только начинало делать первые неуверенные шаги. «Золотой век» эпохи Антонинов способствовал становлению философского неопифагорейского и неоплатоновского христианства — души, ума и сердца христианской религии. Закат же эпохи Антонинов (кон. II в.) совпал с попятным движением в развитии христианства, когда на смену прогрессивным побудительным мотивам и в истории Империи, и в истории христианства пришла реакция. Это хорошо видно на примере трудов Ириния Лионского, суть которых представляет собою *торможение, запрещение и ниспровержение*. Ничего созидательного, ничего нового, ничего радующего сердце и вызывающего любовь к автору. За текстами Ириния Лионского вообще трудно обнаружить живую личность. Такое ощущение, что перед читателем не человек, а система. А возможно ли созвучие сердца с «системой»? Но если нет сердечного трепета, который надеешься ощутить при встрече с учеником ученика самого апостола, то, может быть, встретишь здесь мудрость или высокий интеллект? Отнюдь, перед нами вполне посредственная логистика, к тому же изобилующая внутренними противоречиями и явными неувязками.

Другими словами, классическое попятное движение — *реакция*. Но ведь и во всей Империи с приходом к власти Коммода царило омертвление и деградация. Конечно, нельзя все проблемы этого времени связывать лишь с личностью Коммода. Как говорится, каждое время заслуживает своего правителя. Накопившиеся к концу II века экономические, социальные и политические проблемы при неумелом и безынициативном правлении императора поставили Империю на грань развала. Провинции захлестнула волна грабежей и разбоев. Даже Септимию Северу с большим трудом удавалось после Коммода поддерживать в Империи относительный порядок. После смерти Коммода с 193 по 197 гг., по сути, шла гражданская война. Даже с чисто культурной точки зрения в Империи наблюдался очевидный спад. К 160 г. перестал звучать голос *Светония*, к 170 — *Аппиана*, к 179 — *Клавдия Птолемея*, к 170 г. — *Апулея*, к 180 г. — *Лукиана*.

В начале III в. историк *Дион Кассий*, сенатор и крупный землевладелец, в написанном им труде по римской истории отразил чаяния элиты того времени: полное уничтожение городских автономий; подавление всякой самостоятельной мысли, однотипное государственное образование, изгнание философов и религиозных проповедников; беспощадная расправа со всякими мятежниками; сильная власть императора, опирающегося на «лучших», т.е. на самых богатых людей. В период деградации и распада подобные ме-

ры старого режима являются весьма распространенными. (Преддверие Второй мировой войны тому самый яркий пример). Но можно отметить, что точно такую же по духу программу реформации христианства изложил и Ириней Лионский, программу, которая была взята на вооружение Римской церковью. И.Г.Гердер писал, что могло бы показаться, что

“Провидение воздвигло римское государство и латинский язык в виде моста, по которому кое-что из сокровищ первозданного мира должно было перейти и к нам. Но это был бы тогда самый скверный мост, какой только можно избрать, потому что именно строительство его и лишило нас большей части сокровищ древнего мира. Римляне разрушали, а другие народы разрушали Рим, — но ведь те, кто разрушает, не могут беречь”¹.

Получается, что на закате Римской империи чаяния интеллектуальной элиты римского общества и римского епископата оказались одинаковыми. По иронии судьбы «апокалипсический зверь», которым представлялся Рим ранним христианам, вдруг в лице епископов Рима оказался во главе христианства, насадив мироощущение и порядок, глубоко чуждый заповедям Христа, чуждый греческим и малоазийским церквям, образованным Павлом, — порядок уходящего мира.

Итак, окончание эпохи блестящих римских императоров и наступление общего кризиса в Империи странным образом пошли во благо Римской церкви. Прямо-таки «пир во время чумы». Между прочим, эта чума как раз вспыхнула в 180 г. и унесла жизнь последнего императора эпохи Антонинов — Марка Аврелия. Болотов пишет:

«Со смерти Марка Аврелия в 180 году в положении христиан наступила перемена к лучшему. На римский престол вступил сын (Марка Аврелия)... *Коммод Антонин* (180 — 192), положивший конец блестящей эпохе Антонинов. Коммод был одним из самых недостойных кесарей, человек, который по капризу судьбы вместо того, чтобы родиться гладиатором, родился императором...

Несмотря на такой характер Коммода, положение христиан при нем оказалось более сносным, чем в предшествующее время... Притом в последние годы на него приобрела большое влияние конкубина² его, христианка *Марция*, “боголюбивая наложница”, как называет ее Ишполит»³.

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.425.

² «Конкубинат, — поясняет Болотов, — имел тогда особенное социальное значе-

Была ли христианка Марция «боголюбивой» подругой или фавориткой-любовницей, у церковных и нецерковных историков мнения расходятся. Но относительно низкого нравственного и умственного уровня императора, кажется, все единодушны. Коммод, сын Марка Аврелия, еще в 176 г. был назначен соправителем. Сын был полной противоположностью отцу. Распущенный, вялый и легкомысленный, он только и мечтал о том, как бы кончить войну с вторгшимися в Империю маркоманнами и вернуться в Рим. Когда умер Марк Аврелий, Коммоду было только 19 лет. Война продолжалась еще несколько месяцев, но затем император заключил с маркоманнами и квадами мир на выгодных для них условиях (Коммод обещал их вождям ежегодные денежные «подарки»).

Вернувшись в Рим в том же 180 г., Коммод с головой погрузился в столичные удовольствия, предоставив управление государственными делами своим любимцам: начальнику преторианцев Переннию и др. Современникам казалось, что в лице Коммода воскресли худшие представители дома Юлиев-Клавдиев: Калигула и Нерон. Коммод обожал спорт и гладиаторские состязания, причем не ограничивался только ролью зрителя. Одетый в львиную шкуру, с палицей в руке, он изображал Геркулеса, избивая на арене цирка беззащитных людей и зверей. Империя покрылась статуями Геркулеса-Коммода, а в Риме была даже учреждена коллегия жрецов для служения новому богу.

Уже в 183 г. был раскрыт заговор против императора, в котором принимали участие его жена Криспина и сестра Луцилла. Ответом на заговор стали массовые казни аристократии. Потеряв поддержку знати, Коммод начал вести демагогическую политику, заискивая у солдат и римской толпы. Повышение жалованья, вся-

ние: это был, так сказать, брак с левой руки, теперешний морганатический. Многие лица находили для себя неудобным законный брак, некоторым сословиям он был запрещен, например солдатам. Даже и такой государь, как Марк Аврелий, в нравственности которого не может быть сомнения, когда овдовел, несмотря на то, что недостатка в невестах не было, счел для себя неприличным жениться вновь и дать своим детям мачеху и предпочел конкубинат. Веспасиан имел конкубину, а не супругу. Положение таких конкубин было настолько почетно, что они получали звание императриц и пользовались большим влиянием» (*там же*). Попытка Болотова представить отношения между Коммодом и Марцией платоническими не выдерживает никакой критики. То, что было естественным для философа Марка Аврелия, проповедовавшего аскетизм и воздержание, совершенно неуместно применять к его сыну, погрязшему в разврате (см. далее). — *А.В.*

³ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.106.

кого рода поблажки преторианцам, цирковые зрелища, раздачи — таковы были старые испытанные средства этой политики. Результатом явилось катастрофическое падение воинской дисциплины. В 185 г. Перенния пришлось выдать взбунтовавшимся солдатам. Его преемником стал вольноотпущенник Клеандр, снискавший общую ненависть вымогательством и насилием. Когда в 189 г. в Риме вспыхнул голодный бунт, трусливый Коммод выдал и этого своего любимца разъяренной толпе.

Внутреннее положение в государстве было крайне напряженным. В Италии шайки разбойников терроризировали имущее население. В Галлии в 187 г. бывший солдат Матерн организовал целую армию из беглых рабов и дезертиров. С ней он опустошал не только Галлию, но и Испанию, нападая даже на крупные города. Движение Матерна шло под лозунгом защиты всех угнетенных. Вступая в город, его люди разбивали тюрьмы и выпускали заключенных на волю. В конце концов Матерн, разбитый в Галлии, задумал смелый план: переодетый, он пробрался со своими сторонниками в Рим, намереваясь убить Коммода и захватить верховную власть. Но заговор был раскрыт из-за измены. Последовали новые массовые казни.

И на этом общем фоне Коммод продолжал свои сумасбродства. Дело дошло до того, что император стал публично выступать гладиатором в цирковых боях и поселился в казарме. Тогда не выдержала даже придворная камарилья. В 192 г. возник новый заговор во главе с префектом Эмилием Летом и при участии «боголюбивой христианки» Марции. 1 января 193 г. император собирался вступить в должность консула в костюме гладиатора, но в ночь перед этим ярким зрелищем его убили в гладиаторской казарме.¹

Древние историки время и личность Коммода характеризовали как самые позорные в истории Рима. Юлий Капитолин о нем писал:

«...Сын столь безупречного государя отличался такими нравами, какие чужды даже любому учителю гладиаторов, любому актеру, любому из тех, кто выступает на арене, наконец, любому человеку, в котором, как в помойной яме, соединены всякая грязь и преступление. Многие говорят и так, что Коммод — вообще плод преступной любви: ведь хорошо известно, что в Кайоте Фаустина (жена Марка Аврелия и мать Коммода. — *А.В.*) выбирала себе любовников из матросов и гладиаторов» (XIX.6-7)².

¹ Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. С.604-606.

² Капитолин Юлий. Жизнеописание Марка Антонина Философа // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетяна / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.43.

Другой древний историк, Элий Лампридий, приводил чудовищные деяния этого изверга и извращенца:

«С самого раннего детства Коммод отличался постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен, и уста его были осквернены и обесчещены...

Всех наиболее честных людей он прогнал от себя либо самым оскорбительным образом, либо предоставляя им самые унижительные должности... Войну, которую отец его (Марк Аврелий) почти закончил, он прекратил, приняв требования врагов, и возвратился в Рим. Вернувшись в Рим, он отпраздновал триумф, причем посадил в колесницу позади себя своего любовника Саотера и, поворачивая голову, часто целовал его на виду у всех. То же самое делал он и в оркестре. Пьянствуя до рассвета и расточая средства Римской империи, он по вечерам таскался из кабаков в лупанары (публичные дома). Для управления провинциями он посылал либо соучастников своих позорных дел, либо людей, рекомендованных этими соучастниками. Сенату он стал до такой степени ненавистен, что и сам, в свою очередь, начал жестоко свирепствовать на гибель этому великому сословию и из презренного превратился в жестокого...

Префекты претория, видя, что Коммод вызывает к себе такую ненависть из-за Саотера, самовластие которого стало для римского народа невыносимым, ловко выманили Саотера из дворца под предлогом участия его в священнодействиях; затем, когда он возвращался в свои сады, они, подослав тайных агентов, убили его...

Перенний, хорошо изучивший Коммода, нашел способ самому сделаться всесильным. Он посоветовал Коммоду предаться наслаждениям и возложить все труды правления на него, Перенния. Коммод с радостью принял это предложение. Руководствуясь таким правилом жизни, Коммод безумствовал во дворце на пирах и в банях вместе с тремястами наложницами, которых он набрал из матрон и блудниц по признаку красоты, а также с тремястами взрослыми развратниками, которых он собрал из простого народа и из знати, насильно и за деньги, причем дело решала их красота. Иногда, одевшись в платье служителя при жертвоприношениях, он совершал заклятие жертв. Он сражался на арене среди своих спальников как гладиатор, пользуясь тупыми рапирами, а иногда и отточенными мечами. Между тем Перенний распоряжался всем полновластно: кого хотел — убивал, очень многих грабил, не считаясь ни с какими законами, захваченное имущество присваивал себе. Сестру свою Луциллу Коммод сначала сослал на Капреи, а потом убил. Прочих сестер своих он, как говорят, изнасиловал. Не

избежала его объятий и двоюродная сестра его отца. Одной из наложниц он дал имя своей матери. Уличив свою жену (Брутию Криспину) в прелюбодеянии, он прогнал ее от себя, затем сослал, а впоследствии убил. Иногда он приказывал осквернять у себя на глазах даже своих наложниц. Он дошел до такого позора, что сам отдавался молодым людям... В это время был убит также, будто бы разбойниками, Клавдий, сын которого вошел когда-то к Коммоду с кинжалом; было убито без суда много других сенаторов, а также несколько богатых женщин. И в провинциях некоторые люди, подвергшись ложным обвинениям в каком-нибудь преступлении со стороны Перенния — причиной послужило их богатство, лишились имущества или даже были умерщвлены. Тем, на кого не было никакой возможности возвести ложное обвинение, ставилось в вину то, что они не пожелали записать в свои завещания наследником Коммода...

...После того как легаты войска раскрыли (обман Перенния), [он] был объявлен врагом и отдан на растерзание воинам. На место всемогущего Перенния Коммод назначил одного из своих спальников — Клеандра. После убийства Перенния и его сына Коммод отменил многие распоряжения, сделанные будто бы без его участия, делая вид, что хочет восстановить прежнее положение.

В таком настроении раскаяния в совершенных преступлениях он мог удержаться не дольше тридцати дней и стал совершать, действуя через Клеандра, еще более тяжкие преступления, чем те, какие он совершал, действуя через вышеупомянутого Перенния.

В качестве всемогущего правителя Переннию наследовал Клеандр, а в качестве префекта — Нигер, про которого рассказывают, что он был префектом претория только шесть часов. Действительно, префекты претория сменялись через несколько дней и даже часов, так как Коммод вел себя все хуже и хуже. Марций Кварт, например, был префектом только пять дней. Их преемников держали на этой должности или убивали по произволу Клеандра. По его усмотрению даже вольноотпущенники набирались в сенат и причислялись к патрициям. Тогда впервые в один год было двадцать пять консулов, и все провинции были проданы. За деньги Клеандр продавал все: возвращенных из изгнания удостаивал почетных должностей, отменял решения суда. Благодаря глупости Коммода он (Клеандр) забрал такую силу, что даже на мужа сестры Коммода — Бирра, который осуждал то, что творилось, и сообщал Коммоду о происходившем, он навлек подозрение...

...Коммод не мог больше вынести прорвавшейся тогда ненависти расвирепевшего народа и выдал Клеандра на расправу черни

(189 г.). Тогда же были убиты Аполавст и другие придворные вольноотпущенники. Клеандр, между прочим, вступил в связь с наложницами Коммода и имел от них детей, которые после его гибели были убиты вместе со своими матерями. На место Клеандра были поставлены Юлиан и Регилл, но их впоследствии Коммод подверг каре. Убив их, он умертвил Сервилия и Дулия Силанов с их семьями, а вскоре и Анция Лупа, а также Петрониев — Мамертина и Суру, а равно и сына Мамертина — Антонина, рожденного сестрой Коммода; вслед за ними одновременно — шесть бывших консулов: Аллия Фуска, Целия Феликса, Лукция Торквата, Ларция Еврупиана, Валерия Бассиана, Пактумея Магна с их близкими; в Азии — проконсула Сульпиция Красса, Юлия Прокула с их близкими, консуляра Клавдия Лукиана; в Ахайе — двоюродную сестру своего отца Фаустину Аннию и бесчисленное множество других; он наметил к казни еще четырнадцать человек, так как римскому государству было не по силам выдерживать его расходы (имущество казненных Коммод конфисковывал. — *А.В.*)...

Кроме того, он был настолько безумным, что пожелал назвать город Рим «Коммодовой колонией»: говорят, это неистовое желание было внушено ему льстивыми речами Марции (его наложницы. — *А.В.*). Желал он также править в цирке четверками коней. Он появлялся перед публикой одетый в далматик¹ и в таком виде давал знак выпускать запряженные четверками колесницы. В то время как Коммод доложил сенату о необходимости назвать Рим Коммодовым, сенат не только охотно принял это — надо полагать в насмешку, — но даже и себя назвал Коммодовым, называя при этом Коммода Геркулесом и богом.

...Кроме того, он готовился погубить еще многих. Это обнаружилось благодаря какому-то мальшу, выбросившему из его спальни табличку, на которой были указаны имена намеченных к убийству... Будучи кровожадным, он приказал служителям Беллоны наносить [им] себе в руку настоящие раны. Жрецов Изиды он заставлял бить себя до смерти в грудь сосновыми шишками. Когда он носил изображение Анубиса, то больно ударял по бритым головам жрецов Изиды [собачьей] мордой идола. Одетый в женскую одежду или в шкуру льва, он своей палицей поражал не только львов, но и многих людей. Тех, кто имел слабые ноги и не мог хо-

¹ *Далматик* — просторная длинная туника из белого далматского шелка. Ношенные одежды из шелка считались римлянами признаком изнеженности. При Тиберии «было принято постановление, воспрещавшее... унижать мужское достоинство шелковыми одеждами» (Тацит. *Анналы*. 2.33.1).

дить, он наряжал гигантами, а ниже колен превращал при помощи тряпок и полотен в драконов; затем он убивал их стрелами. Священнодействуя в честь Митры, он запятнал себя настоящим чело-векоубийством, тогда как обычно там только говорится или изображается что-либо способное вызвать страх.

Еще мальчиком Коммод был прожорлив и бесстыден. Юношей он поносил всех, кто окружал его, и все поносили его. Тех, кто над ним смеялся, он приказывал бросать диким зверям. Даже человека, прочитавшего книгу Транквилла (Светония), в которой содержится жизнеописание [бесчестного] Калигулы, он приказал бросить диким зверям, так как сам он родился в один день с Калигулой. Если кто-нибудь выражал желание умереть, он приказывал ускорить его смерть, хотя бы тот уже не желал смерти. Шутки у него тоже были опасные: заметив на голове у одного человека среди черных волос белые, производившие впечатление червячков, Коммод посадил ему на голову скворца, и тот, вообразив, что ловит червей, ударами своего клюва превратил голову этого человека в сплошную рану. Одному толстяку он распорол живот, так что у того сразу вывалились внутренности. Он называл одноногими и одноглазыми тех, у кого он выкалывал один глаз или ломал одну ногу. Многих он погубил без разбора: одних за то, что они повстречались ему, одетые в платье варваров, других — за то, что они были видными и красивыми. У него были любимцы, именами которых служили названия срамных частей мужского и женского тела: им он поставил на стол на серебряном подносе двух совсем согнувшихся горбунов, покрытых горчицей, и тотчас же дал им видные должности и большое богатство. Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, Коммод в присутствии всех его подчиненных столкнул в пруд. Ему он приказал и плясать голым с измазанным лицом перед своими наложницами и бить в кимвалы...

Следуя его указанию, льстецы называли в его честь месяц август — коммодом, сентябрь — геркулесом, октябрь — непобедимым, ноябрь — преодолевающим, декабрь — амазонским. Амазонским он был назван по причине своей любви к наложнице Марции, портретом которой в виде амазонки он любовался; ради нее он сам пожелал выйти на римскую арену в виде амазонки.

Он был принят жрецом во все жреческие коллегии...

Бесстыдство его было столь велико, что, сидя в женской одежде в амфитеатре или театре, он на виду у всех то и дело пил...

Сам Коммод ленился писать заключения и был так небрежен, что на многих прошениях писал одно и то же заключение. В очень многих случаях он писал в письмах только «будь здоров». Все де-

лалось другими, которые, как говорят, обращали в свою пользу даже деньги, взимавшиеся в виде штрафа.

Вследствие такой его небрежности те, кто вел тогда государственные дела, опустошали продовольственные запасы, и в Риме возникла огромная нужда в продуктах, хотя неурожая и не было. Тех, которые все расхищали, Коммод впоследствии казнил, а имущество их конфисковал. Придумав название «золотой век Коммода», он распорядился снизить цены, чем вызвал затем еще большую нужду. Во время его правления многие покупали за деньги кару для других и спасение для себя. Он продавал даже изменение вида наказания, погребение казненных и смягчение наказаний и за деньги убивал одних вместо других. Продавал он также провинции и административные должности, причем те, через кого он производил продажу, получали свою часть, а Коммод — свою. Некоторым он продавал даже жизнь их врагов. При нем вольноотпущенники продавали даже приговоры по тяжбам. Префектов Патерна и Перенния он терпел недолго; из тех префектов, которых он сам назначил, никто не продержался в течение трех лет — большинство из них он погубил ядом, либо мечом. С той же легкостью он менял и городских префектов.

Своих спальников он убивал, не задумываясь, хотя во всем всегда поступал по их внушению. Спальник Эклект, видя, с каким легким сердцем он убивает своих спальников, предупредил его и сам принял участие в интриге, имевшей целью убить Коммода. Выступая как секутор¹, Коммод брал гладиаторское оружие и набрасывал на свои обнаженные плечи небольшой пурпурный лоскут. Он обыкновенно приказывал заносить в городские ведомости² сообщения обо всех своих позорных, бесчестных и жестоких поступках, о тех случаях, когда он поступал как гладиатор или как сводник, — об этом свидетельствуют сочинения Мария Максима. Коммодовым он назвал даже римский народ, на глазах которого он очень часто бился как гладиатор. Несмотря на то, что при его выступлениях в боях народ часто встречал его с благоговением как бога, он, думая, что над ним насмеются, дал в амфитеатре приказ морским воинам, натягивавшим тент, избивать римский народ. Еще раньше он приказал сжечь Рим — именно как свою

¹ *Секутор* — гладиатор, вооруженный мечом и большим щитом.

² *Городские ведомости* — официальная «газета», основанная в 59 г. до н.э. Юлием Цезарем (см. Светоний. Юл. 20.1); в ней публиковались правительственные постановления, выписки из сенатских протоколов и пр. Газета издавалась на отбеленной гипсом доске.

колонию; и это было бы сделано, если бы префект претория Лет не отговорил Коммода...

Под влиянием всего этого, хотя и слишком поздно, префект Квинт Эмилий Лет и наложница Коммода Марция составили заговор с целью убить Коммода. Сначала они дали ему яду, но яд не подействовал. Тогда, по их приказанию, его задушил атлет, с которым Коммод обычно упражнялся в борьбе. Коммод отличался хорошим телосложением. Выражение его лица было бессмысленное, какое обычно бывает у пьяниц, речь — бессвязная; волосы были всегда покрашены и сверкали золотыми блестками. Волосы на голове и бороду он подпаливал, боясь цирульника. Сенат и народ потребовали, чтобы труп его волокли крюком и бросили в Тибр, но позже, по приказанию Пертинакса, он был перенесен в усыпальницу Адриана. Кроме бани, которую построил от его имени Клеандр, никаких других его построек не существует. Имя его, вырезанное на чужих сооружениях, сенат приказал выскоблить. Даже построек, начатых его отцом, он не закончил...»¹

Когда Коммод был убит, то сенаторы стали требовать от Пертинакса, назначенного императором, расправы со всем окружением Коммода, включая его наложницу Марцию. Юлий Капитолин пишет: «...Когда Пертинакс выразил признательность Лету, консул Фалькон сказал: “Каким ты будешь императором — мы заключаем из того, что позади тебя мы видим Лета и Марцию, слуг Коммода в его преступлениях”. На это Пертинакс ответил ему: “Ты молод, консул, и не понимаешь необходимости склоняться перед обстоятельствами. Они повиновались Коммоду против воли, а как только представилась возможность, они показали, каковы были их постоянные желания (т.е. убили тирана. — *А.В.*)”» (Пертинакс, V.2-3)².

Удивительное дело, но оценка церковных историков разительно отличается от всего вышесказанного. «С возвращением Коммода, — пишет Евсевий, — пришло для нас время тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочестивому служению Богу, Творцу всего; в Риме

¹ Лампридий Элий. Коммод Антонин // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.62-72.

² Капитолин Юлий. Гельвий Пертинакс // В сб.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Перев. С.Н.Кондратьева. СПб., 2001. С.74-75.

многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения (т.е. становились христианами. — *А.В.*)» (ЦИ. V.21).

Может быть, для Римской церкви хаос в стране шел на пользу, но страна явно погибала. Коммод, сменив умершего отца, возродил порядки Нерона. В Империю вернулись времена массовых репрессий. Ведение государственных дел он, как отмечалось выше, передал фаворитам. Впоследствии Пертинакс, избранный по смерти Коммода императором, вынужден был заниматься реабилитацией лиц, незаконно репрессированных его предшественником (Кассий Д. История Рима. LXXVIII, 5), объявить вне закона поощрявшихся прежней властью доносчиков (Herodian, II.4.8), начать борьбу с коррупцией в судебной сфере (SHA.VIII.6.8). Пришлось упорядочивать финансы государства (SHA.VIII.9), а также выплачивать по долгам Коммода (SHA.VIII.9.2). Все это свидетельствовало о крайней развращенности прежней власти. Преторианцы (громадное войско императорской охраны, некий прообраз «службы безопасности») при Коммодe фактически превратились в полицейское управление, организующее травлю и смещение неугодных политиков, конфискацию их имущества и пр. Их вмешательство во внутриполитическую жизнь было огромным (SHA.VIII.9.1). Пертинакс, придя к власти, вынужден был возвращать имения, конфискованные Коммодом (SHA.VIII.4.6). Убив Пертинакса, преторианцы дошли до того, что выставили на продажу звание императора: кто им больше заплатит. После скорой гибели купившего это звание Дидия Юлиана преторианцы развязали гражданскую войну.

Принимала ли косвенное участие Римская церковь в описанных злоупотреблениях? В том числе в подкупе продажных властей и сведении счетов со своими противниками? Болотов, например, писал: «Эта Марция благоприятно влияла на императора для судьбы христиан. Она из полудикого императора делала все, что хотела, и потому при ней совершилось редкое явление: христиане, сосланные за веру в рудники, получили освобождение. От римского епископа Виктора (189 — 198) потребован был список этих христианских исповедников, и все значившиеся в нем были возвращены из места ссылки»¹. Ограничилось ли потворство христианам или даже влияние христиан на императора этой единственной поблажкой?

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.107.

В другом месте Болотов сообщает, что освобождение христиан с каторжных работ являлось не просто спасением *всех* единоверцев, но было, между прочим, избирательным. Подобное «право помилования», на самом деле неведомо какую цену оказавшееся у Виктора, могло стать мощнейшим инструментом римского папы по проведению на территории всей Империи (среди христианских церквей) политики римского епископата.

Болотов рассказывает о Каллисте (будущем римском папе), имя которого папа Виктор первоначально решил в список на освобождение не вносить, ибо тот попал в «историю»: повздорил с евреями из-за денег и учинил разбирательство прямо в синагоге. Болотов сообщает:

«Раб по происхождению, он (Каллист) от имени своего господина, христианина Карпофора, вел банкирские операции, обанкротился, хотел спастись бегством, достигнут был Карпофором в ту минуту, когда садился на корабль, бросился в воду, был вытасен и отправлен своим господином работать на ручных мельницах. Христианские друзья упростили Карпофора освободить Каллиста и дать ему возможность оправдаться. Но, сознавая невозможность оправдаться, Каллист задумал покончить с собою мученической смертью. В одну субботу он явился в иудейскую синагогу, произвел здесь беспорядок и за этот беспорядок отдан был под суд (Ланген делает остроумную догадку, не затем ли в действительности Каллист пришел в синагогу, чтобы поймать нескольких евреев, может быть, состоявших в долгу у него). Praefectus Urbis Фускиан (189 – 192) отправил Каллиста в сардинские рудники. Но вскоре затем известная Марция (наложница Коммода. — *А.В.*) выхлопотала освобождение сардинским исповедникам за имя Христово. Епископ Виктор отделил дело Каллиста от дела исповедников и, не желая освобождения Каллиста, пропустил его имя в поданном списке, но пресвитер Иакинф, приводивший в исполнение указ Коммода, освободил почему-то и Каллиста. Выждав смерть своего господина, Каллист явился в Рим, вошел в доверие Зеферина (сменившего умершего папу Виктора. — *А.В.*) и сделался самым влиятельным римским пресвитером. Известно, что ему Зеферин (198 – 217) поручил устройство обширного христианского кладбища (тоже, вероятно, доходное предприятие. — *А.В.*)...»¹. Короче, Каллист стал в конце концов главою Римской церкви (217 – 222) и по всем позициям христианского порядка пошел на компромиссы

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.400-401.

и снисхождения в дисциплине. Последнее повлекло церковную смуту и появление первого антипапы — Ипполита (знаменитого христианского писателя, епископа римского, ум. ок. 235 г.).

Влияние и авторитет Римской церкви в христианском мире должны были вырасти также и в связи со значительными денежными возможностями этой епархии (факт на фоне финансового расстройтва и долгов Коммода довольно примечательный). Историки сообщают о том, что в это время Римская церковь оказывала финансовую помощь всему христианскому миру. Богатство церкви было столь значительно, что церковь смогла, если верить Тертуллиану, вернуть Маркиону ранее внесенные им 200 тыс. сестерциев¹. Выше мы видели, что христианином был даже банкир, что также примечательно, ибо банкиры издревна славились наибольшей осторожностью, а также корпоративной солидарностью — значит, быть христианином было уже не столь опасно. Это позволяет предположить отнюдь не единичный случай присутствия финансиста в церкви. А если допустить некое влияние христиан на императора или, еще вернее, на продажную власть, постоянно нуждающуюся в деньгах, то из названного факта банкира-христианина и богатства Римской церкви можно сделать очень даже смелые и далеко идущие выводы. Кроме того, денежное могущество Римской церкви могло прирастать за счет значительных сенаторских пожертвований, ибо, как выясняется, в это время христианами являлись «несколько высокопоставленных лиц сенаторского звания»². Христианские катакомбы, обнаруженные в Риме, оказались одними из богатейших по отделке, что заставило историков пересмотреть традиционные взгляды на христианство этого времени как на сообщество исключительно «отверженных и рабов». В свою очередь, пребывание в числе христиан сенаторов и, надо думать, иных высокопоставленных персон позволяло Римской церкви определенным образом проводить в провинциях нужную ей политику. Все это с неизбежностью вело к концентрации общецерковной власти, способствовало занятию Римской церковью доминирующего положения среди прочих церквей.

История церкви, прежде всего Западной, свидетельствует о том, что, когда в одних руках концентрировались финансы и власть, — это в конечном счете неизбежно приводило к злоупотреблениям и преступлениям. Так или иначе, но деньги и власть

¹ Тертуллиан. Против еретиков, 30.

² Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.111.

становились магнитом, к которому притягивалось все самое худшее. Столица огромной Империи, этого некогда могучего, но теперь разлагающегося организма, должна была стать самым притягательным местом для различного рода аферистов и интриганов, влекомых со всей Империи легкостью наживы. Иоганн Готфрид Гердер (1791 г.) писал о длительной деградации населения Рима:

“...Со всех сторон и со всех концов стало собираться в Рим всякое зло. Уже и раньше все устремлялись в этот город, и настолько невозможно было блюсти здесь чистоту цензорских списков, что однажды появился даже консул, который не был римским гражданином; а что же теперь, когда этот город, «голова мира», стал скопцем собравшихся со всей Италии людей — самой чудовищной головой на свете! Сразу же после смерти Суллы эти владыки земли (жители Рима. — *А.В.*) насчитывали четырехста пятьдесят тысяч человек; когда к ним прибавились союзники, число это весьма возросло, и во времена Цезаря не менее трехсот двадцати тысяч человек претендовали на хлеб во время его бесплатных раздач. Представьте себе эту неумную и по большей части праздную толпу во время голосования — она сопровождает патронов, она околачивается вокруг кандидатов на почетные должности, — и вам сразу же станет понятно, что, раздавая подарки, устраивая в Риме игры и торжественные процессии, лъстя толпе, можно было и поднять тут бунт, и учинить кровавую резню, и основать триумvirаты, от которых «владыка мира» делался своим собственным рабом. Что авторитет сената, этих четырех, пяти или шести сотен людей, в сравнении с бесчисленной толпой, требующей для себя господских прав и целыми полчищами отдающейся в распоряжение того или иного политического деятеля? Какую жалкую роль играл этот «бог сенат», как называли его лстивые греки, а какую великолепную — Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Октавий, — не говоря уж о злодеях-императорах (Калигула, Нерон, Домициан. — *А.В.*)! Сам «отец отечества» — Цицерон — превращается в жалкую фигуру, когда обрушивается на него какой-нибудь Клодий, и самые лучшие советы, какие может подать Цицерон, — ничто в сравнении не то что с реальными действиями Помпея, Цезаря или Антония, но даже с тем, чего едва не добился какой-нибудь Катилина. Вся эта диспропорция — не от азиатских пряностей и не от изнеженности Лукулла, она идет от самого строя Рима: будучи городом, он пожелал встать во главе всего мира... Я не в силах описать весь тот беспорядок и всю ту мерзость, причиной которых стали вольноотпущенники и любимчики-рабы. Римская история, римские сатиры полны рассказов об этом; ни один варварский народ на земле не знает ничего подобного. Рим покарал Рим, угнетате-

ли целого света стали смиренными слугами гнуснейших своих рабов... Тот самый Рим и та самая Италия, что наполовину обратили в пустыню населенные и цветущие земли — Сицилию, Грецию, Испанию, Азию, Африку и Египет, — навлекли на себя самую естественную и самую неестественную погибель, навлекли её на себя всеми своими законами, войнами, но еще более испорченным и праздным образом жизни, пороками и развратом, презрением к женщине, жестоким обращением с рабами, а позднее и тираническим преследованием самых благородных людей”¹.

Вряд ли кто согласится, что Римская церковь самим Провидением была защищена от засилья проходимцев и нравов «черни». Это объяснение не годится, потому что возникает вопрос, почему же в таком случае Провидение не защитило христиан от так называемых «имперских гонений» или не предотвратило позорные дела, скажем, римских пап в последующие, уже более известные науке времена. Ведь и Тертуллиан писал:

“Что касается ваших (язычников) утверждений, что христиане — люди самые низкие и подлые вследствие их жадности, склонности к роскоши и бесчестности, то мы не будем отрицать, что среди нас есть и такие (мол, где их нет. — *А.В.*)” (К язычникам, I.5).

Раннехристианские общины, подобные ессеям или кумранитам, основанные на братстве и общности имущества, к концу II в. сменились многослойным христианским обществом, включавшим, как видим, христиан-банкиров, сенаторов, жен и наложниц высших государственных сановников и пр. Дилемма «можно ли и насколько христианину находиться среди суеты мирской жизни», стоявшая со всей остротой на заре христианства, давно была разрешена. При новом составе последователей, да еще при незаконности и продажности властей, глава столичной церкви должен был обладать недюжинным дипломатическим талантом и быть не столько духовным наставником, окормляющим паству, сколько крупным политическим игроком. Разговоры о гонениях на христиан, в приложении к изменившимся условиям, становятся по меньшей мере несерьезными, ибо личность главы церкви государственным властям должна была быть хорошо известна, причем такую фигуру не так-то просто можно было «взять», как писал Евсевий о христианах-мучениках, и начать «поджаривать на металлической решетке» или «бросить в клетку к львам».

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.411-413.

В отношении к миру (мирскому) на Востоке и на Западе христианская церковь уже в те времена проявила совершенно различные подходы. Тогда как в Восточной церкви при императоре Константине христиане попытались обрести симфонию сочетания интересов государства и церкви, Рим устремился по пути превращения самого государства в церковь. Эта подмена наиболее ярко дала себя знать в средние века, прежде всего в эпоху немыслимых крестовых походов и костров инквизиции, но корни этого устремления — подчинить своему влиянию всё и вся — можно обнаружить уже во II веке. А. Гарнак ставил в заслугу Церкви то, что, несмотря на, казалось бы, такую легкость вступления в соглашение с культом императора, Церковь «не поддалась ни на шаг; она покончила с императорским идолом»¹. Но правильнее было бы, как нам кажется, различать при решении этого вопроса позицию Востока и Запада. Восточная церковь, несмотря на более развитую здесь тягу к аскетизму и устремлению к *небу*, вместе с тем всегда принимала всё многообразие и всё богатство окружающего бытия и тем самым шла своим духовным сотрудничеством на встречу с миром (мирским). Это было благожелательное отношение духовного наставника (отца, брата) — к мирскому труженику. Яростные проклятия таких западных апологетов, как Тертуллиан, раздававшиеся в адрес всего нехристианского мира, конечно, звучали и на Востоке, но это были крики маргиналов, в целом чуждые духу восточного православия. Не случайно, и не только по политическим соображениям, столицей христианской Империи стал не западный Рим, а восточная Византия². Римская церковь также обращалась к миру, но не для сотрудничества и наставничества, а для его порабощения и властвования над ним. В этом смысле теократические замашки

¹ Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.117-118.

² *Византия* (греч. Византий, ныне Стамбул) — древний греческий город, основанный ок. 660 г. до н.э. В I в. до н.э. город вошел в состав Римской империи как значительный центр торговли и ремесел. В 330 г. н.э. был Константином I перестроен, переименован в Константинополь (город Константина) и провозглашен столицей Империи, продолжавшей себя именовать «Римской» (город иногда называли «Новым Римом»). Был завоеван турками в 1453 г. Положение Константинополя как центра Восточного Христианского мира особенно упрочилось и стало неоспоримым после исчезновения древних христианских центров в Египте, Палестине и Сирии. Миссионеры Константинополя на просторах Восточной Европы, на Кавказе обращали в христианство население огромных территорий. По сути дела, «Новый Рим» стал колыбелью цивилизации Среднего Востока и Восточной Европы, подобно тому, как «ветхий Рим» был таковой для латинского Запада.

Римской церкви не отличались от аналогичных притязаний поствавилонских левитов. Различным оказался лишь масштаб. Поэтому со всей определенностью можно утверждать, что не Церковь вообще, а, прежде всего, *Римская церковь* «покончила с императорским культом», причем не ради духовной свободы, а для того, чтобы построить другую империю и возвести другой культ — *культ Церкви*. «Вооружение церкви броней, латами и мечом сделалось, таким образом, догматом католической веры» (протопр. С.Н.Булгаков)¹. Само церковное учреждение, бывшее ранее лишь *организационным*, можно сказать, *техническим подспорьем* для оформления братской общины, теперь стало самодовлеющей *религиозной величиной*. «В это учреждение, — выражая суть возникшего феномена, писал А.Гарнак, — дух Христа (будто бы. — А.В.) вложил всё, что нужно отдельному человеку;... Св. Дух действует (будто бы. — А.В.) исключительно в нем (в этом учреждении), и дары благодати поэтому могут быть добыты лишь здесь... Это учреждение со всеми своими постановлениями и формами тождественно с “Христовой невестой”, с “истинным Иерусалимом” и т.п., и поэтому оно само провозглашено неприкосновенным творением Бога и неизменяемым обиталищем Святого Духа. Соответственно этому оно выдавало все свои распоряжения за одинаково священные»².

Но прежде, чем стать таковым *учреждением-империей*, церковь должна была из множественных общин образовать «единое тело» с единым духом. Самоощущение родства этих общин необходимо было организационно и нормативно сочетать. Сами образцы устройства Римской империи и кодификация Римского права оказывались для этой цели весьма пригодны. Идеологическое единство громадной системы, этот претендент-суррогат на замещение *общинной души*, могли обеспечить только единая догматика, единое Писание и суровое наказание всех отклоняющихся. Требовалось отмежеваться от инакомыслящих и от текстов, противоречащих центральной догме. Теперь представлялось необходимым создать учение о *Единой Душе Церкви*, обожествив и возвеличив до Святости саму — церковную организацию. Для выполнения этой вообще-то нехитрой задачи Ириней Лионский сформулировал основные догматы церковно-христианской веры, заложил основы учения о Церкви, согласовал всё это с текстами новозаветного и

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С.100.

² Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.127.

ветхозаветного Писания (в соответствующей редакции) и четко очертил круг, за которым начиналась ересь. В дальнейшем отцы церкви освятили эту новоявленную религиозную доктрину ореолом *мученического вероисповедания* древних христиан, будто бы испуленную кровью праведников. О том, что древние христиане шли на смерть вовсе не за вымыслы Римской церкви, поздние доктринеры предпочли забыть.

В Иринеевой универсальной системе было многое и всякое, но исчезло главное — Учение Христа о Богообщении и о сути Спасения. Как услышать голос Бога и что есть Спасение? Иринеевы последователи, должно быть, вообще не знали, *как человеку соединять* свой дух с живым Христом, поэтому они могли лишь учить, *как слушаться* их церковь, которая будто бы обладает истинным знанием. Новая церковь подменила религиозное *ощущение живого Бога* — *верой во всемогущество церкви, заменила веру во внутреннего Христа* — *верой во внешние догматы*. Гарнак писал о содержании этой новой веры, в общем-то не имеющей отношения ни к Учению ап. Павла, ни тем более к Учению Иисуса Христа:

«...Возникла вера не без внутреннего единства и силы, но с неограниченным объемом, *вера*, которая должна была сделаться верою Церкви, образованных и необразованных, вера, составленная из самых различных — философско-апологетических, библейских, христософических, гностически-антигностических и чувственно-фантастических — элементов...; сознание, что рациональная теология и слепая вера суть различные величины, (в этой системе. — *А.В.*) отсутствует; всё стоит на *одной* плоскости; на спекуляцию (размышления. — *А.В.*) смотрят с подозрением и всё же не отказываются от неё совсем»¹.

Перед нами традиционный синкретизм, свойственный римской культуре вообще, когда со всего света берется всё, что кажется выгодным или уместным, но при этом утрачивается живость и непосредственность, теряется сам *дух*. Но самым страшным в этом удивительном явлении — психологии Рима — является желание обладать всем миром и навязать всему миру свое представление о бытии. В этой самоуверенности даже нет желания обрести Истину — самоценным сам по себе становится порядок, имперское единообразие.

«...Никто не пишет, — утверждает И.Г.Гердер, — никто не поступает так откровенно, так грубо, так решительно и жестоко, как

¹ Гарнак А. История догматов // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.2. М., 2001. С.194.

он (римский папа), если только есть в этом необходимость. Папы никогда ничего не обсуждают — они указывают и повелевают, и всякий раз прокладывает путь хитроумная дерзость, — когда они умоляют и упрасивают, когда требуют, грозят, упорствуют, карают... Этот священный деспотизм, украшенный достоинством отца, совершил на свете больше дел, чем пустая учтивость ничтожных дворцовых интриг... Папа знал, чего хочет, знал, каким языком требовать послушания»¹.

«Желание (католической церкви. — А.В.) распространить и устроить царствие Божие политическими средствами, — пишет А.Гарнак, — только по тяжкому недоразумению может быть основано на указаниях Христа и апостолов. Это царствие рассчитывает лишь на религиозные и нравственные силы и основывается на почве свободы. А церкви, выступающей мирским государством, приходится пользоваться всеми средствами такового — и хитроумной дипломатией, и насилием; всякое земное государство, даже основанное на праве, бывает вынуждено обстоятельствами поступать несправедливо... Непогрешимость (папы) равняется тому, что у правителей мира называется полным самодержавием... Совершенно ясно, что этот второй фактор на Западе (“непогрешимость папы”, принятый спустя многие годы. — А.В.) основательно должен был изменить характерные черты католицизма — традиционализм, правоверие, ритуализм и монашество... “Я сам предание”, — сказал будто бы Пий IX... Учение во многих отношениях стало произвольным...»². Далее Гарнак продолжает:

«Римский католицизм, взятый как внешняя церковь, как учреждение права и силы, ничего общего с Евангелием не имеет и даже противоречит ему по существу... Смещение божественного начала с мирским, самых задушевных чувств с политикой причиняет глубокий вред, потому что оно насилует совесть и лишает религию её настоящего значения...»³. Последнее сказано в отношении позднего католицизма⁴. Но во времена Ириния Лионского и

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.550-551.

² Гарнак А. Сущность христианства // Сб.: Раннее христианство. В двух томах. Т.1. М., 2001. С.150-151.

³ Гарнак А. Там же. С.155.

⁴ Католический (греч. *katholikos*) — «всеобщий». С точки зрения Восточной церкви существует *Единая Вселенская Апостольская Церковь*, от которой Римско-католическая церковь отделилась в 1054 г. и «присволяет себе титул католическая (т.е. вселенская. — А.В.) *несправедливо*» (Статья «Православно-католический» // Дьяченко прот. Г. Полный Церковно-славянский словарь. М., 1993, с.474. Репринтное изд. 1900 г.).

папы Виктора все названные признаки в Римской церкви уже полностью оформились.

Характер римского епископата оказался удивительным образом сходен с характером ап. Петра, каким он показан в Евангелии. Настырность и навязчивость Петра в его притязаниях на доминирование вопреки гармонии товарищества были столь велики, что Христос даже назвал его однажды *Сатаной* — именем, которым не был назван даже предатель Иуда. Апологеты Римской церкви для доказательства мученической смерти ап. Петра именно в Риме использовали аргумент, будто никакой иной город в христианском мире (прежде всего, в Малой Азии) не заявил претензий на обладание прахом этого апостола. Но это может иметь и другое объяснение: возможно, только Римская церковь ради получения права на первенство не смутилась в основание своей претензии заложить имя трижды отрекшегося от Христа ученика. Исторически же эту не востребованность имени Петра можно объяснить следующим образом: споры за «апостольское тело» среди ритуалистических церквей были нередки, и обо всех их перипетиях известно мало — может быть, кто-то и возражал Риму, но поскольку Петр умер, как будет показано далее, в Вавилоне, то ни одна из известных церквей III — IV вв. Малой Азии и не предъявила прав на место его упокоения. Претензии же Рима на прах другого апостола — Павла еще более лишены какой-либо исторической подосновы. Если же принять во внимание наши выводы о смерти апостолов задолго до Нерона, то притязания Рима на мученическую смерть Петра и Павла в Риме, при Нероне, покажутся совсем проблематичными. Но какова бы ни была подлинная жизнь апостолов, к чисто римскому имперскому завоевательному духу, усвоенному Римской церковью, все это мало относится. В этом смысле совершенно неважно, когда и в какой точке земного шара покинули свои бранные тела апостолы. Завоевательный и безжалостный дух западной цивилизации, представленный в античной мифологии богом войны — *Аресом* (Марсом), сложился не при апостолах, а задолго до христианства и характерно проявлял себя в человеческой истории вплоть до настоящего времени. В этой связи образ Петра, показанный в Евангелии: именованный «Сатаной», выхватывающий в момент ареста Иисуса меч и тем самым покушающийся на исполнение миссии Христа, трижды отрекающийся от Христа, равно как и негативная роль римлян в Распятии Христа — всё это *аллегория*, отмечающая тягостную роль, какую уготовано было исполнить Римской церкви. При распятии Иисуса Христа

в 70 г. до н.э.¹ никаких римских войск в Иудее не было, то есть физически римляне Иисуса Христа не распинали. Возможно, и все перечисленные действия Петра — аналогичная аллегория, никогда не имевшая исторического воплощения. *Духовное* же «распятие» Христа состоялось много позже и именно при ведущей роли Римской церкви. Отсюда и в применении к Петру имя *Сатана* — то есть противник воли Христа, и *петух*, трижды предвещающий восход Солнца-Христа, от которого отрекается вчерашний последователь-Петр, и *меч* Петра — атрибут римского гражданина, и отсечение этим мечом *правого уха* — символическое избрание Лёвого Пути, и хищническое деление *римскими воинами* одежд распятого Христа у ног еще пребывающего на кресте Спасителя (Ин 19.23). Всё это — аллегория, но весьма и весьма прозрачная. Если она была написана до II века, то она пророчески предугадала будущее; если во II веке, то она иносказательно отобразила то положение дел в христианстве, которое уже сложилось из-за отступничества церкви, руководимой римским епископатом. Предательство идеалов Христа стало глубоко укоренившейся традицией римского епископата в течение последующих двух тысячелетий. Поэтому совсем не удивляют такие вопиюще антихристианские явления в ней, как папизм, индульгенции, инквизиция, деятельность ордена иезуитов и многое другое. Постоянное же стремление римских пап в течение тысячелетия уничтожить Православие и конечно же православную Россию даже не нуждается в комментариях.

Считается, что император Септимий Север², сменивший Коммода, начал некие гонения на христиан, как лаконично замечает

¹ См. об этом наше исследование «Кумран и Христос».

² Сообщается, что Септимий Север (193–211), через какое-то время после смерти Коммода выдвинутый армией в императоры, быстро восстановил порядок. Отметим, что его второю женою была Юлия Домна, та самая, которая была связана с гностическими кругами и в руках которой оказались документы о жизни Аполлония Тианского и по заданию которой на основании предоставленных ею документов Филострат составил «Жизнеописание Аполлония Тианского». Поздние церковные историки почему-то именно на срок правления Севера относят предполагаемое (но не доказанное) мученичество Ирины Лионского (ок.200–202 г.), хотя, как пишет Болотов, «относительно положения христиан в первые десять лет его царствования ничего определенного неизвестно. Тертуллиан уверяет, что Септимий Север был благосклонен к христианам...» (Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3, с.111). Александр Север, правивший с 222 по 235 г., под влиянием Юлии Домны (приходившейся ему троюродной бабкой) проникся уважением к *Аполлонию Тианскому* и *Орфею*, установив их изображения в помещении для ларов, где он утром совершал священнодействия (Лампридий. Александр Север ХХIX.2; здесь же сообщается об изображениях Христа и Авраама, что счита-

Болотов, из-за «чужой истории». Ко всему прочему здесь же Болотов пишет, что «...со временем Коммода христианство начинает быстро распространяться в аристократических кругах Рима, и в Римской церкви оказываются молодые христианки сенаторского происхождения»¹. Могло оказаться, что при Коммоде и всесильных его фаворитах проникновение христиан в дела государства стало столь значительным, что сделало при Септимии Севере неизбежными конфликты и трения. При монархических устремлениях римских епископов это более чем вероятно. О неожиданной и «необъяснимой» реакции императора Болотов пишет: «Но 10-й год его правления отмечен поворотом в его политике в отношении к христианам. В этот год Септимий Север издал закон, не сохранившийся до нас, о котором известно только то, что он под страхом тяжкого наказания воспрещал принимать как иудейскую, так и христианскую религию»². Таким образом, христиане здесь могли быть замешаны в чужой истории»³. Не исключено, что действия Севера были направлены против иудеев, а косвенно это затронуло и христиан, среди которых могло быть достаточно евреев. Стычки между христианами и иудаистами могли в провинциях приводить к опасным волнениям. Иудеи же в последние сто пятьдесят лет для Империи были постоянным источником беспорядков и волнений. Возможно, что упоминаемые Евсевием «наветы черни» могли быть и провокациями иудаистов.

Причины таких наветов могли быть весьма разные. Например, в миссионерской борьбе за влияние на сильных мира сего

ется поздней христианской вставкой). «Его (Александра Севера) влиятельная мать, дававшая чувствовать свой авторитет над сыном везде и всюду, даже более, чем было бы желательно для Империи, может считаться решительной покровительницей христианства. Во время своего пребывания в Антиохии, вероятно в 226 г., она слушала христианские беседы Оригена... Император был решительным покровителем христиан...» (Болотов. Там же, с.117-118). В этом смысле так называемые «гонения» на христиан Септимия Севера (аналогично испытывавшего значительное влияние Юлии Домны) если даже и имели место, то, вероятно, носили несколько иной характер, чем это предполагает церковная литература. Скорее всего, это были местные дела, вызванные традиционными антихристианскими наветами «черни» (см. далее).

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.402.

² «Под страхом тяжелого наказания он (Септимий Север) запретил обращение в иудейство. Такие же запреты он установил и для христиан» (История Августов. Септимий Север. 17.1. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарий М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.280). — А.В.

³ Болотов В.В. Там же. С.111.

христианство, вероятно, имело перед иудаизмом заметное преимущество. Апологетические сочинения христиан, адресованные римским императорам, насыщены тезисами о родственности лучших этических и философских положений античности и христианства, о возможности их взаимовыгодного слияния. Стоическая философия, занявшая во II в. среди римской элиты, включая даже императоров, ведущее место, близко соприкасалась с идеалами христианского мироощущения, причем настолько, что в IV в. среди христиан широко распространился миф, будто знаменитый стоик Сенека переписывался с апостолом Павлом. К евреям же (что то же самое, что и к иудаистам), напротив, отношение большинства императоров рассматриваемой нами эпохи было резко негативным. В памяти еще была кровопролитная Иудейская война 60-х годов и разрушение Иерусалима. Траян подавил иудейское восстание 116 года на восточном побережье Средиземного моря, а правительственные войска, как утверждается, в отместку за то, что евреи вырезали население Кипра (240 тыс. человек) и Кирены (220 тыс. человек), сами уничтожили в Александрии всех евреев¹. При Адриане случилось и было разгромлено восстание евреев под предводительством Бар-Кохбы (135 г.), и им было запрещено селиться в Иудее. Антоний Пий ввел закон, запрещавший язычникам совершать еврейское обрезание. Марк Аврелий к евреям, по свидетельству Аммиана Марцелина, относился с брезгливой враждебностью². Со времен Цицерона за израильтянами у римлян закрепились резко негативная характеристика, постоянно питаемая наглядными примерами, ибо неуживчивые евреи оказались единственным народом, с которым при всем громадном опыте римской дипломатии за несколько веков так и не было достигнуто компромиссного решения о сосуществовании³. При Септимии Севере

¹ Моммзен Теодор. История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997. С.437. См. также: Кассий Д. История Рима, LXVIII.32.1-3.

² «..(Когда Марк Аврелий) проезжал через Палестину, направляясь в Египет, то от досады на зловонных и часто бунтующих иудеев, горестно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел тех, кто беспокойнее вас» (Аммиан Марцелин. История, XXII.5. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с.263).

³ Профессор и одно время министр народного просвещения (Россия) Зенгер в научном докладе «Еврейский вопрос в Риме» (1896 г.) отмечал:

«Если недостатки римского провинциального управления республиканской эпохи были в самом деле вопиющими, то столь же несомненны и грандиозные результаты, достигнутые благодаря существенным улучшениям, которые в эту отрасль администрации были внесены Империей. С учреждением принципата

иудеи опять завладели утраченными позициями¹, но быстро их лишились. Может статься, что Септимий Север, пораженный глубиной проникновения при Коммодe представителей церкви (христиан-евреев?), а при собственном правлении — иудеев в дела государственного управления, мог действительно, окончив гражданскую войну и наведя порядок в стране, наконец издать строжайший указ, направленный одинаково против церкви и синагоги.

Можно задаться вопросом: преобладающим или, напротив, незначительным было присутствие евреев в Римской церкви? Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно — для этого нет никаких прямых свидетельств. Кассий, например, сообщает о множестве евреев, стекавшихся в столицу уже в нач. I в. н.э.: «А как иудеи в Риме сошлись во множестве и постоянно сманивали местных жить на свой лад, он <т.е. Тиберий (19 г. н.э.)> почти всех их выслал»². Никакого запрета на новые еврейские заселения не существовало, евреи вновь возвращались на покинутые места, поэтому в пору высшего расцвета Империи, надо полагать, евреев в столице было довольно много. «А иудеев, — пишет о последующих

возвораются периоды постепенно усиливающегося в течение 200 лет процветания Галлии и Испании, Греции, Малой Азии и Сирии, Египта и бывшей Карфагенской территории. Запад быстро и прочно латинизируется. Греко-Восточный мир пользуется обильными привилегиями. Всюду господствует мир и порядок; всюду растут благосостояние и довольство римским правительством; всюду последнее свою задачу поняло, стало быть, правильно и выполнило её искусство.

Только в одной стране все усилия Рима ввести целесообразный режим оказались unsuccessful, только с одним народом справиться нормальными способами римлянам не удалось. Этой страной была Палестина — этим народом были евреи.

На евреях Рим перепробовал чуть ли не все мыслимые международные и правительственные отношения — от дружественного нейтралитета до грубого милитаризма и, в конце концов, был, однако, приведён к убеждению в необходимости разрушить Иерусалим и выселить жителей с их родины.

Иными словами, вековой опыт и природная политическая мудрость не подсказали римлянам другого решения иудейского вопроса, чем то, к которому некогда вынуждены были прибегнуть Салмонассар и Навуходоносор» («Варшавские Университетские Известия», 1896, № 6).

¹ М. Штерн, ссылаясь на первоисточники, пишет, что «евреи в то время были допущены к почетным муниципальным должностям... В правление Септимия Севера началось также обширное строительство, связанное с возведением новых синагог в Галилее» (Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарий М. Штерна. Т. 2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762, с. 280).

² История Рима, LVII.18.5а. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарий М. Штерна. Т. 2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С. 38.

временах Кассий, — вновь умножившихся числом до того, что трудно было без смуты удалить из города таковую толпу, он <т.е. Клавдий (40-е гг.)> изгонять не стал, но повелел, чтобы они при исполнении отеческих обрядов многолюдных собраний не устраивали»¹. Большие города всегда способствовали ослаблению родоплеменных и религиозных связей, поэтому естественно допустить, что в Римской церкви евреев, порвавших с диаспорой, оказалось более, чем где бы то ни было. Можно предположить, что неприятие в гностических церквях Ветхого Завета, бога иудеев и пресловутой богоизбранности Израиля привело к естественному притоку евреев к другой части церкви — к так называемым *кафоликам*, или *ортодоксам* (то есть к догматической церкви). Этот процесс поляризации внутри христианства по отношению к ветхозаветному наследию должен был стать особенно заметным после разрушения Иерусалимского храма, когда значительное число бедствующих евреев устремилось в Рим. Надо также учитывать, что гностики, из-за их специфической оценки роли израильтян в судьбах мира, в лице перешедших в христианство евреев должны были автоматически обрести смертельных врагов. Христиане-гностики могли после этого рассуждать о любых высоких материях, *зонах* и *Софии*, но для христиан-евреев они теперь с *любыми* идеями превращались в апокалипсических «антихристов». Ко всему прочему евреи и в прошлой своей ветхозаветной истории ненавидели греко-египетские мистерии (истоки гнозиса).

Были среди христиан и другие антагонисты иудаизма (иудейства²). Согласно Евангелию, прописной истиной для любого новокрещенного являлось положение, что «евреи расяли Спасителя». Кроме того, число христиан, тяготевших к гностикам, маркионитам и иным резким противникам иудейства и иудаистского Йахве, должно было быть во II в. весьма значительным. При таком положении христиане-евреи естественным образом должны были сконцентрироваться в другой части церкви — у ортодоксов. Между

¹ История Рима, LX.6.6. Цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Комментарии М.Штерна. Т.2, часть вторая. М.-Иерусалим, 2002/5762. С.39-40.

² *Иудейство* — термин, отражающий специфику еврейской культуры, в которой сложно отделить национальный уклад и светскую традицию евреев от соблюдаемых ими религиозных правил и догматики. В то время, когда термин «иудейство» делает упор на светскую часть жизни верующих евреев, термин «иудаизм» акцентирует внимание на догматические основы еврейского вероисповедания. Термин «иудейство» лучше подходит для объяснения внешней деятельности евреев, тогда как «иудаизм» — их внутренней веры. В литературе термины «иудаизм» и «иудейство» часто используются как синонимы.

обоими лагерями христиан разгорелась нешуточная война за идеологическое основание, на котором возникло христианство. Одни утверждали, что таковым был «богоизбранный народ», его Закон и Иегова. Другие утверждали – Новый Завет Христа, противоположный Ветхому Завету, считали Иегову (Йахве) заклятым врагом Света, а иудеев – его заблудшими последователями. Для одних Бог Иисус был рожден «богоизбранным народом» и повелел исполнять до йоты Закон Бога, дарованный этому народу, лишь отменив некоторые устаревшие обряды и повелев поклоняться лично себе. Для других – Христос в самом мрачном и грешном месте планеты зажег свет для спасения человечества от царства тьмы. Вообще же за противостоянием гностиков и церковных ортодоксов, когда яблоком раздора стало отношение тех и других к Ветхому Завету и Иегове, могло скрываться нечто очень глубинное, тенью ложающееся на иудеев на протяжении всей их истории и изумляющее своей фатальностью даже скептически настроенных исследователей, отвергающих *карму* или *промысл Божий*. Итог внутрицерковной борьбы за присутствие в христианстве иудаистского наследия известен – победили приверженцы Йахве. Кто был тем злым гением, кто переиграл истинных последователей Христа, умело и повсеместно распространил о них клеветнические, порочащие измышления, украл у них, перекомпоновал и выдал за свои гностические сочинения, протоевангелие от Иоанна и т.п., ловко отредактировал письма Павла, изощренно перетолковал Ветхий Завет, найдя чуть ли не на каждой странице пророчество об Иисусе Христе, наконец, настроил христиан против великой эллинской культуры и восточного мистицизма, умолчав о том, что значительная часть церковной обрядности и мистицизма были скопирована с восточных мистерий, – об этом остается только гадать. Конечно, это был длительный процесс, протекавший не одно столетие и включивший в свою орбиту громадное количество известных и неизвестных участников. Можно отметить, что христиане-евреи должны были быть наиболее заинтересованными лицами в положительном для них исходе такого противостояния. Ораторские же способности иудеев, изощренность в интерпретации Закона, умение сплоченно, истово и не гнушаясь средствами отстаивать свои интересы помогли в конечном итоге обеспечить догматическому крылу церкви, таким его ревизионерам, как Иринея Лионский, желательную победу над подлинным христианством. Таким образом, в лице христиан-евреев Римская церковь даже при известной доле церковного антисемитизма могла получить против гностического христианства мощнейшую поддержку. Защищая свою иудаизированную

догму, епископальная церковь тем самым защищала и ветхозаветный Закон и историческое иудейство. Другим значительным преимуществом, какого ортодоксы церкви добивались благодаря иудизации христианства, была легимитизация христианства как древнего культа. Поскольку власти преследовали прежде всего новоявленные религиозные секты, но вынуждены были разрешать древние культы, то заявление ортодоксов-христиан о том, что они и есть тот самый древний Израиль¹, ставило ортодоксальную церковь в явно более выгодное положение по сравнению с христианами, причастность к Израилю отвергавшими.

Сегодня существуют различные мнения об отношении догматической церкви к ветхозаветной истории иудеев. Представление о древних христианах как о едином монолите — безусловно, плод поздней церковной пропаганды. Христиане были разные, среди них были и сильные антииудейские настроения. Подобные настроения не могли не затрагивать и взгляды на ветхозаветное наследие. А.В.Вдовиченко² отмечает: «Антииудейская полемика, по мере обособления христианства от иудейства, становилась все более теоретически определенной. По тому вниманию, которое христианские авторы уделяли этому вопросу, можно судить о постоянном напряжении в отношениях церкви и синагоги. Около 140 года Аристон из Пеллы написал “Диалог Ясона и Паписка о Христе” — по всей видимости, самую раннюю работу, специально посвященную антииудейской полемике. Иустину Философу принадлежит “Диалог с Трифоном Иудеем”. Аполлинарий Иеропольский выступил с сочинением “К иудеям”. Также ритор Мильтиад в царствование Марка Аврелия написал две книги, посвященные антииудейской полемике. Между 198 и 206 годами Тертуллиан создает сочинение “Против иудеев”»³.

Однако в епископальной (догматической) церкви, принявшей в качестве духовного истока христианства ветхозаветный иудаизм, вопрос о евреях по возможности не буддировался. Открыто слова против еврейства зазвучали в церкви, кажется, лишь в конце IV в. и только на Востоке: в проповедях Иоанна Златоуста⁴ (386 г.)

¹ О полемике между христианами и иудеями о праве называться «Израиль» см. далее.

² Православный Свято-Тихоновский богословский институт.

³ Вдовиченко А.В. Христианская апология // В сб.: Раннехристианские апологеты II – IV веков. Переводы и исследования. М., 2000. С.32.

⁴ См.: Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т.1, книга вторая (Против иудеев). М., 1991. С.645-759. Иоанн Хризостом (Злато-

(причем он был отлучен и лишь посмертно восстановлен в церкви). Та же тема звучала и у Григория Нисского (также испытывшего серьезные трения с церковным начальством). Причина сдерживания резко отрицательного отношения к ветхозаветному народу и их религии со стороны церкви вполне понятна: чрезмерные усилия в этом направлении могли легко закончиться отвержением Ветхого Завета, на котором зиждилась вся церковная пирамида и так называемая «преемственность» от иудейских патриархов, тянущаяся якобы от времен «творения».

Историк и апологет иудаизма Лев Поляков о вполне терпимых взаимоотношениях Римской церкви и иудеев писал:

«В соответствии с одной талмудической традицией мессия должен родиться и вырасти в Риме; по другой, весьма распространенной, Римская империя представляла собой четвертое царство, предсказанное Даниилом, которое “будет пожирать всю землю, попирает и сокрушает ее”. (Напомним, что и кумраниты за век до новой эры связывали с римлянами наступление апокалиптических времен. — *А.В.*) Во многих других местах Талмуда отражено то воздействие, которое Вечный город оказывал на раввинов древности. В дальнейшем в лоне еврейской общины Рима возникли иные легенды, безыскусные и иногда проникнутые любовью. В одной из них рассказывалась история Элханана-Андрея, еврейского мальчика, похищенного у его родителей, который взшел на трон святого Петра, продолжая оставаться правверным иудеем. Другая легенда приписывала эту роль заложника самому апостолу Петру, который якобы притворился христианином и проник в самое сердце церкви, чтобы оттуда заботиться о спасении евреев (ср. с «Тольдот Иешу¹». — *А.В.*). Эта роль высших

уст), названный так по причине его исключительного риторического таланта, в возрасте двенадцати лет (361 — 362 гг.) обучался в Антиохии у Либания, одного из выдающихся языческих учителей того времени. Это время ознаменовалось торжеством греческой учености («язычества») в связи с реформами Юлиана («Отступника»). Historики отмечают любопытное совпадение: Юлиан был известен как горячий почитатель Либания и жил в Антиохии примерно в то же время, что и Иоанн, с июля 362 по март 363 г. Именно в этом городе Юлиан написал свое антихристианское и антииуданское сочинение «Против галилеян», в котором подверг христиан резкой критике, в том числе за следование худшим традициям иудеев (см., например, Владимиров А. Кумран и Христос. М., 2002, с.451-452). Не исключено, что Юлиан и Иоанн Златоуст свое резко негативное отношение к иудаизму сформировали благодаря одному и тому же источнику — эллинистическим философам Антиохии.

¹ О «Тольдот Иешу», древнееврейском трактате о жизни Иисуса Христа, см. с.167, 225.

архи-маранов¹, приписываемая папам, отражает за наивностью народной фантазии ту искреннюю надежду, которую гетто питало по отношению к своим сюзеренам — римским епископам, а кроме того, возможно, и тайное взаимопонимание, скрытый намек взаимной признательности между иудаизмом и римскими понтификами².

Очень мало известно о злключениях еврейской общины Рима при первых христианских императорах, в эпоху, когда учение отцов церкви проникает в кодексы Феодосия и Юстиниана. В конце VI века папа Григорий Великий, который хотел обратить евреев без применения насильственных мер, постановил, что ничто не должно изыматься из тех прав, которые предоставило евреям христианское законодательство, но и ничто не должно быть к этому добавлено. Эта формула “*Sicut Judeis...*” (“подобно иудею...”) стала золотым правилом папства в этой области. Восходя на трон святого Петра, большинство пап эпохи средних веков воспроизводили эту формулу слово в слово, сопровождая ее комментариями, смысл которых сводился к необходимости уважать иудейскую религию и защищать жизнь евреев. Другие буллы о защите евреев издавались в особых обстоятельствах, таких, как эксцессы крестоносцев или обвинения в ритуальных убийствах. В Рим прибывали делегации евреев, чтобы добиться этого покровительства. Разумеется, они привозили с собой дары; но этот важный аргумент отнюдь не имел решающего значения»³.

Правда, еще более распространенными, по мнению Л.Полякова, были папские анафемы, направленные против евреев, но проявилось подобное лишь начиная с IV в., когда христианство сделалось государственной религией⁴. До этого времени, а значит, и в рассматриваемый нами период (конец II в.) отношения между евреями и христианами были *разными*. Иногда настолько теплыми, что Тертуллиан даже писал, будто иногда «евреи предоставляли преследуемым христианам убежище в своих синагогах»⁵. Всё это,

¹ *Мараны* (исп. *maranos*), в средневековой Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство и подвергавшиеся со времен Торквемады преследованию инквизиции, обвинявшей их в тайной приверженности иудаизму.

² На иврите *papa* традиционно обозначается с помощью вокабулы *Афитор*, происхождение которой неясно и которая послужила поводом для ученых дискуссий. Этимология: *Ави* (или *Аби*) — *Пиор* (отец Петр, или священник Петр), предложенная раввином Берлинером, специалистом по истории римских евреев, представляется вполне вероятной. — Л.П.

³ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. М.-Иерусалим, 1997/5757. С.398-399.

⁴ См.: Поляков Лев. Там же. С.23-25.

⁵ Там же. С.23.

очевидно, показывает, что были как разные синагоги, так и разные христиане.

Если в I веке иудеев и последователей Христа римские власти, скорее всего, не различали, а значит, одинаково плохо относились к тем и другим, то в конце II в. различие между ними уже стало явным. Императоры рассматриваемого времени и их советники были просвещенными людьми и вполне могли вникнуть если и не в глубокую разницу их доктрин, то хотя бы в очевидно заметные внешние их отличия. Однако традиционная психологически негативная реакция римского общества на присутствие евреев одинаковым образом относилась как к евреям синагоги, так и к евреям церкви. Система Римского права, не рассчитанная на различение доктринальных тонкостей, была предназначена лишь для регулирования чисто внешних проявлений. С внешней же стороны присутствие евреев и в синагоге и в церкви делало и ту и другую в глазах римских властей — *подобными*. Болотов поэтому и написал, что христиане, преследуемые Севером, были «замешаны в чужой истории». *Кто* и в чем провинился перед Септимием Севером, сегодня судить сложно. Однако в результате каких-то локальных «гонений», в частности в далекой Александрии, возможно, по какому-то навету или дурному стечению обстоятельств мученически погиб Леонид, отец Оригена.

Как бы ни складывались в это время отношения христиан и евреев внутри и вокруг христианской церкви, но именно во время десятилетнего самовластия папы Виктора I (189 — 198) и двенадцатилетнего никчемного правления Коммода (180 — 192) развернулась бурная эпистолярная деятельность провинциального епископа Иринея Лионского. Иринея Лионский и его единомышленники каким-то образом получили доступ к тайным гностическим текстам, идеи которых были похищены и извращены, новозаветные тексты перекомпонованы и подделаны, а послания апостольских мужей выдуманы. Конечно, Иринея был здесь далеко не первопроходцем. Уже за десятилетие до этого Маркион обвинял евреев в подделке евангелий, «Деяний» и писем Павла, благодаря чему все они оказались переполненными чуждым христианству ветхозаветным духом и апелляциями к Ветхому Завету. Иринея это редактирование только довел до логического конца, хотя один он не смог совершить такого значительного преобразования. Однако, обнаруживая явный «социальный заказ», прямую заинтересованность Римской церкви в создании идеологии, способной всех христиан Империи поставить под одно знамя римского епископата, вполне возможно предположить, что мощь столичной кафедры и возмож-

ность влиять на императора Коммода (или на его приспешников) обеспечили текстуальную реформу. В любом случае, по какому бы сценарию ни развивались события, доступ к власти и влиятельное положение столичной церкви, т.е. церкви всей Империи, вполне могли позволить папе Виктору I совершить реформу. Если же учесть культивировавшуюся здесь ненависть к гностикам, то не христиан ли гностиков и затронули известные в то время «императорские гонения»? Во всяком случае, в конце II века гностики, при прежней широкой распространенности тяготевших к гностицизму церквей, неожиданно куда-то исчезли. Ведь невозможно объяснить их исчезновение одним лишь успехом полемических трудов Иринея Лионского. Поистине, исчезновение христиан-гностиков и им сочувствующих представляет собою не вполне ясное явление. Впрочем, возможно, поддержанные всей мощью Римской церкви, опиравшиеся на еще мало известные среди прочих христиан тексты (похищенные у гностиков и подправленные под свою доктрину), отцы догматической церкви смогли склонить на свою сторону большинство необразованных христиан и победить рутинным количеством. Превращение при Константине христианства в государственную религию довершило это дело. Христианский же гностицизм, вытесненный из церковной среды, влился в родственный ему неоплатонизм либо окончательно ушел в подполье.

Известно, что желание подчинить себе всех христиан, все церкви являлось хронической болезнью (*mania*) римского епископата. Во время, когда спустя полтора века на Востоке (в IV в.) бушевали страсти вокруг тех или иных нюансов церковных догматов, римские папы интересовались преимущественно вопросами распределения власти. Когда на Востоке в бесконечных спорах и политических распрях церкви доходили до явного умопомрачения, Рим в своей холодной беспристрастности оказывался даже порою в доктринально более верном и безупречном положении, продолжая тем самым увеличивать свой авторитет и влияние.

В качестве примера самовластия папы Виктора можно привести его спор о праздновании христианской Пасхи. Между римской и малоазийской практикою известны были разные решения этого вопроса, что обсуждалось не раз. Кто бы ни был здесь более прав и какими бы доводами ни руководствовались спорящие стороны, нас будет интересовать прежде всего метод разрешения споров папой Виктором. «Виктор, — пересказывает Евсевия Болотов, — обратился к малоазийским епископам с угрожающим требованием: присоединиться к римской практике. По этому вопросу (и может

быть, по предложению самого Виктора) собраны были в различных местах соборы. Все они (Александрийский, Палестинский, Осроинский, Понтийский, Коринфский, Галльский, не говоря уже о Римском) высказались за римскую практику. Исключение составлял собор Ефесский... Виктор ответил малоазийским церквям, видимо, формальным отлучением»¹. Евсевий передает полный достоинства ответ престарелого епископа, которому было поручено от имени епископов этих церквей отвергнуть притязания Виктора:

“...Все они (перед этим назывались имена известных христиан-предшественников. — *А.В.*) праздновали Пасху в четырнадцатый день (лунного месяца) по Евангелию, ничего не преступая и следуя правилу веры. И я, Поликрат, самый малый из вас, поступаю так, как передано мне моими родственниками, им следуя. Семь человек моей родни были епископами, я восьмой. И всегда родные мои справляли этот праздник, когда народ не употребляет квасного хлеба². Я, братья, прожил шестьдесят пять лет в Господе, пребывал в сношениях с братьями во всей вселенной (т.е. со всеми церквями. — *А.В.*), прочитал все Священное Писание и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: «Повиноваться следует больше Богу, нежели людям». Затем он пишет о епископах, бывших с ним, когда он писал, и с ним единомысленных: «Я мог бы назвать всех присутствующих епископов, которых вы посоветовали мне созвать; я и созвал их. Если я напишу все их имена, то выйдет великое множество. Они знают, как я мал и ничтожен, но согласились с моим письмом, зная, что не кое-как дожил я до седин, а всегда устраивал свою жизнь, следуя Христу». Тогда Виктор, предстоятель римлян, собрался разом отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними Церкви; он клеймил всех тамошних братьев письменно, огульно объявляя их отлученными. Не всем, однако, епископам пришлось это по душе; Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви. Известны послания с резкими нападками на Виктора» (ЦИ. V. 24.6-10).

Результатом этого отлучения стало то, что об Ефесской церкви, с которой связывается написание апостолом Павлом большин-

¹ Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов в восьми томах. Т.3. М., 2001. С.460-461.

² В Малой Азии, следуя Евангелию, христиане праздновали Пасху в те же дни, что и иудеи. Это по меньшей мере свидетельствует, что в обычных церквях не сохранилось кумранского календаря, предусматривающего сакральное измерение времени, т.е. традиция была утрачена. В Риме, чтобы не пересекаться с иудеями, справляли христианскую Пасху в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия. — *А.В.*

ства его Посланий, где, как считается, появилось Евангелие от Иоанна, и где, собственно, и зародилось христианство, до Никейского собора (325 г.) ничего не было слышно. Очевидно, что Виктору было вполне по силам провести в жизнь новую церковную доктрину и навязать всем церквам отредактированные тексты Писания. В течение III в. свидетельства о подлинной истории христианства при уничтожении всяческой памяти о гностических церквах исчезли, а бесцветная, скудная и безжизненная историческая картина, нарисованная Иринеем Лионским, была впоследствии обогащена и расцветена фантазиями церковных историков.

О том, что такая подмена не прошла незамеченной, рассказывает Евсевий. Им приводится фрагмент одного апологетического сочинения против еретиков. Еретики заявляли, что именно *до Виктора* Писания были другими и что в этой подмене виноват этот римский епископ. Церковный автор, в изложении Евсевия, сообщает:

«Они (еретики) говорят, что в старину все люди и сами апостолы были наставлены и учили тому, чему учат [они, еретики] сейчас; истина [по мнению еретиков] сохранялась до Виктора, тринадцатого епископа в Риме; с его же преемника Зеферина истину стали искажать.

Слова их (еретиков) могли бы показаться убедительными, если бы им не противоречило, во-первых, Святое Писание, а затем и сочинения некоторых братьев, написанные еще до Виктора в защиту истины, против язычников и против тогдашних ересей. Я разумею Иустина, Мильтиада, Татиана, Климента и многих других. Все они признают Христа Богом. Кто не знает книг Иринея, Мелитона и других? Все провозглашают Христа Богом и Человеком. И сколько псалмов и песнопений от начала христианства написали верующие братья, славя Христа как Слово Божие! И если в течение стольких лет провозглашаемо было мнение Церкви, то можно ли поверить, что жившие до Виктора учили так, как они говорят (т.е. иначе, чем стали учить после Виктора. — *А.В.*)? Не совестно ли им возводить такую клевету на Виктора? Они ведь прекрасно знают, что сапожника Феодота, главу и отца этого богоотступнического учения, первого заявившего, что Христос — просто человек, Виктор отлучил от Церкви. Если бы Виктор, по их словам, придерживался их богохульного учения, разве отвергнул бы он Феодота, измыслившего эту ересь?...»

Присоединим к этому, — продолжает Евсевий, — и другие слова того же писателя об этих еретиках. Он говорит так:

«Священное Писание они спокойно подделывали, отвергали правила древней веры, Христа не понимали, до смысла Писания

не доискивались и усердно старались найти некий силлогизм для утверждения своего безбожия... Поэтому они бесстрашно и наложили руку на Священное Писание, говоря, что они его исправляют. Желаящий может узнать, что я не клевету на них: пусть соберет и сравнит между собой имеющиеся у них списки (тексты. — *А.В.*); он найдет много разногласий: Асклеиадотовы [тексты] не согласны с Феодотовыми. Можно достать множество этих списков (текстов): ученики их усердно переписывали то, что учителя, по их словам, исправили, то есть испортили. Возьми Ермофиловы [тексты] — опять разлад с другими. Аполлонидовы [тексты] противоречат сами себе. Можно сравнить ранние [тексты] с переделанными позже — несогласий множество. Сколько дерзости в этом преступлении, они, вероятно, понимают и сами. Они или не верят, что Священное Писание (т.е. имеющиеся у церкви тексты. — *А.В.*) — это слова Духа Святого, — тогда они люди неверующие, или они считают себя мудрее Духа — тогда они одержимы демоном. Они не могут отречься от этого преступления, потому что списки их (тексты) собственноручные. Не такому писанию обучали ихоглашатели ¹, и они не могут показать подлинник, с которого списывали. Некоторые (еретики) решили, что и подделывать Писание не стоит: они просто отвергли Закон и пророков и, объявив свое безбожное учение благодатным, дошли до 'бездны погибели'» (ЦИ.V.28.3-6, 13)

Выше отмечалось, что период реформирования религиозной доктрины на базе догматики Иринея Лионского пришелся на время, когда Римская империя впала в полосу заметных неустойчивостей и регрессии. За полвека до этого ему сопутствовал кратковременный духовный подъем. Еще за полвека — спад. Однако, кроме коротких волновых периодов, каждая культура (этнос), согласно теории Л.Н.Гумилева, характеризуется своим длительным циклом, со своей фазой максимального всплеска активности, а при завершении — временем обскурации (замирания) духа. Для римской цивилизации временем общей обскурации как раз и стал конец II в. — III в. н.э. Именно в это упадническое время произошло насаждение нового догматического учения церкви. Гумилев об этом периоде в истории Рима писал:

«Фазы этногенеза ² переходят одна в другую столь плавно, что для современников, как правило, незаметны. Но исторически ясно,

¹ *Ихоглашатели* от греч. ἰχος — звук. — *А.В.*

² *Этногенез*, по Гумилеву — весь процесс от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности (см. следующую сноску).

что переходы совпадают с важными событиями, значение коих видно только на расстоянии.

Решительный перелом в судьбе римского этноса произошел в 193 г., после того как был зарезан сумасшедший император Коммод.

На этих событиях стоит сосредоточить внимание. Порфиросносный изверг обронил в постели своей возлюбленной (Марции. — А.В.) дощечку с именами обреченных на смерть. Там было и ее имя. Она показала ее другим намеченным жертвам, и специально приглашенный гладиатор Нарцисс прикончил злодея. Сенат назначил императором почтенного старика Пертинакса. Преторианцы его признали, так как он был известен как честный, храбрый и дельный администратор, доброжелательный, справедливый и кроткий правитель. Невинно осужденные были освобождены из тюрем и возвращены из ссылки, доносчики наказаны, порядок в судопроизводстве и хозяйствовании восстановлен. Пертинакс уменьшил вдвое расходы на двор и продал рабов и рабынь, с которыми развратничал Коммод. Казалось, что страна возродилась всего за три месяца.

Но однажды к дворцу подошла толпа преторианцев. Стража ихпустила. Они убили Пертинакса. Народ плакал. Этим кончилась попытка спасти отечество.

Преторианцы предложили отдать престол тому, кто больше заплатит. Купил престол богатый сенатор Дидий Юлиан, долгое время бывший правителем отдаленных провинций и награбивший там много денег. Власть его не имела никакой опоры: сенаторы и всадники скрывали свои чувства, а толпа бранилась. Надежды на преторианцев не было никакой...

(Затем после целой полосы убийств императором стал выдвигенец армии Септимий Север). Септимий Север облегчил положение солдат и увеличил армию за счет уроженцев восточных провинций... В результате к началу III в. почти вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это показывает, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность¹. Структура, язык и культура Империи по инерции еще держались, в то время когда подлинные римляне насчитывали несколько семей даже в Италии, которую заселили вы-

¹ *Пассионарность* (как характеристика поведения), по Гумилеву — эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997, с.608). С нашей точки зрения названным избытком в момент развития этноса является *психическая энергия*, разновидностями которой в Природе являются и биохимическая, и световая, и тепловая и пр. энергии.

ходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов — колонны. Военная диктатура Северов продлила существование римской системы на сорок лет, а потом началось... (сплошные убийства и деморализация. Например, за тридцать пять лет, между Александром Севером и Аврелианом, императорами были провозглашены тридцать семь человек ¹. — *А.В.*)...

Инстинктивная реакция: раздражение, жадность, лень, не имея противовеса в утраченной пассионарности — сделали из римского войска скопище злодеев и предателей... Римский этнос умер и сгнил раньше, чем погиб от вторжения варваров...

На Востоке (к нач. IV в.), где образовался новый этнос, условно именуемый византийским, варвары отражены, на Западе они просто замещают исчезнувших римских граждан...

Тот же процесс в Византии проходил при Ангелах и закончился падением Константинополя в 1204 г. ... Византийский народ исчез, растворился, деформировался задолго до того, как османы ворвались в незащищенный, вернее — не имевший воли к защите, Константинополь (5 мая 1453 г.)» ².

Таким образом, приходится, к сожалению, констатировать, что церковная организация, приняв идеи Ириния Лионского, собственно, наследовала систему уходящей в небытие римской эпохи. Византия (Восточная церковь) психологически была плохо приспособлена к её прокрустову ложу, отсюда бесконечные здесь догматические споры, отлучения и войны. Восток имел совершенно иной дух, но канон и догмат Писания, появившиеся под лакирующей рукой Ириния Лионского, оставались незыблемыми. Конечно, когда появилось русское Православие, оно стало совершенно новым духовным явлением.

¹ Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С.677.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С.523-525, 530.

3. Хронология древнего христианства (I–II вв. н.э.)

I век н.э.

история Империи		период	история религии
<i>(курсив – традиционное христианство)</i>			
11 г. н.э. 16 19	Император Август возобновляет действие закона об изгнании магов и астрологов. То же, Тиберий. Изгнание иудеев из Рима	Ок. начала н.э.	Рождение Аполлония Тианского. Смерть апостола Павла. Обращение среди раннехристианских общин «Вопросов Марии Магдалины», трактата «Пистис София», писем Павла, Логий (высказываний Христа), Евангелия Евреев, Евангелия от Иоанна и др. Становление мистического эллинистического христианства. Иудеохристиане Кумрана и Александрии (терапевты)
40 41–54	Неудачная дипломатическая миссия в Риме александрийских иудеев во главе с Филоном Александрийским. Клавдий – император Рима. Власть фактически перешла в руки его 3-й жены Мессалины	40-е	Аполлоний Тианский обучается в Индии
49	Клавдий после смерти Мессалины женится на Агриппине (стала оказывать большое влияние на императора)	49	Философ Сенека (основатель Малой Стои) приглашен Агриппиной (женой императора) для воспитания её сына Нерона (от предыдущего мужа)
52 54–68	Клавдий возобновляет действие закона об изгнании магов и астрологов. Нерон – император Рима. Мать Нерона, Агриппина, отравила Клавдия для обретения сыном престола	40-е– 60-е	Аполлоний путешествует по Египту и Греции, обретает множество учеников и последователей, проповедует в храмах

59 62	Нерон убивает мать (Агриппину), препятствовавшую его связи с Пoppеей Сабинной (открыто исповедовала иудаизм ¹). Нерон умерщвляет свою жену Октавию чтобы жениться на Пoppее Сабине. Начало периода деспотического произвола	с 59	Обострение отношений между Сенекой и Нероном
64 (июль)	Пожар Рима	ок.64 (67)	<i>Вероятное гонение на христиан. (Миф устанавливает в это время мученическую смерть апостолов Павла и Петра в Риме)</i>
65	Нерон в порыве гнева ударом в живот нечаянно убивает беременную жену (Пoppею Сабину). Обожеcтвил её по-смертно	ок.65	Нерон приказал Сенеке, Луккиану и Петронию покончить жизнь самоубийством. Аполлоний приходит с небольшой группой учеников в Рим и ведет проповедь в храмах.
66	Нерон издает закон против философов	66	Аполлоний покидает Рим
66	Восстание иудеев против римлян и начало Иудейской войны	кон.60-х	Аполлоний помогает Винденсу и тем способствует низвержению Нерона
68	Низвержение сенатом Нерона и его самоубийство. Приостановление Веспасианом штурма Иерусалима из-за смерти Нерона	68	Веспасиан прибывает в Египет и просит совета у Аполлония, быть ли ему императором ² ; напутствия Аполлония

¹ *Пoppея Сабина* (31 – 65) «была известна всему городу как другими своими менее похвальными делами (распутством; см.: Тацит. *Анналы*, XIII.45. – *А.В.*), так и своей благочестивой преданностью иудейской религии и покровительством, которое она ревностно оказывала иудеям» (Моммзен Теодор. *История Рима: В 4 томах. Т.4. Ростов н/Д, 1997, с.390*). Утверждается, что Пoppея имела столь сильное влияние на Нерона, что тот под её нажимом пошел на убийство матери (в 59 г.) (обе, мать и любовница, стремились влиять на государственные дела) и первой жены (в 62 г.).

² Филострат. *Жизнь Аполлония*, V.28.

69	Война за престол. Вителий возобновляет действие закона об изгнании магов и астрологов	69–71	Аполлоний гостит в Антиохии (в Тарсе?) у Тита, сына Веспасиана. Аполлоний рекомендует своего последователя Деметрия (философа) Титу в качестве советника
69–79 70	Веспасиан – император Рима. Веспасиан поручает своему сыну Титу закончить войну с иудеями. Разрушение войсками Тита Иерусалимского храма и города Иерусалима	70-е	Аполлоний отправился в Финикию, Киликию, Ионию, Италию и Ахайю
74	Изгнание Веспасианом из Италии стоических философов, как носителей оппозиционных настроений	ок. 74	Окончательный разрыв отношений между Аполлонием и Веспасианом
79–81 81 81–96	Тит – император Рима. Лихорадка убивает Тита (или Домициан отравил Тита ядом ¹). Домициан – император Рима	80-е	Аполлоний ободряет письмами Орфита и Руфу, сосланных на острова, в замысле утвердить на престоле Нерву и в их борьбе против Домициана
89	Подавление восстания и лавинообразный рост процессов по обвинению в «оскорблении величия» и казней. Начало преследований философов-стоиков	нач. 90-х	Аполлоний является в Рим, оказывается заточен в тюрьме, острижен и закован. Предстает перед Домицианом на суде. Обличительная речь против Домициана и оправдание Аполлония. Тем самым Аполлоний спасает от смерти опальных сенаторов и помогает Нерве. Аполлоний отправляется в Элладу, и к нему присоединяются много учеников. Отправляется в Смирну, Эфес и др. города Ионии

¹ Секст Аврелий Виктор. О Цезарях / Глава XI.1 // В сб.: Римские историки IV в. М., 1997. С.88.

96	Заговор и убийство Домициана	96	Аполлоний сообщает в Эфесе о том, что только что провидел смерть Домициана в Риме. Учреждение Аполлонием в Эфесе главного центра тайнознания. Нерва становится императором Рима и уговаривает Аполлония стать его советником
96–98	Нерва – император Рима. Начало «золотого века» Римской империи (эпоха Антонинов)	ок. 100	Исчезновение (уход) Аполлония

II век н.э.

стория Империи		период	история религии
<i>(курсив – традиционное христианство)</i>			
98–117	Траян – император Рима	нач. II в.	Появление в гностических кругах Евангелия Фомы, Евангелия Филиппа и др.
112	Переписка Плиния с Траяном по поводу христиан	до сер. II в. ок. 110–ок. 130	<i>Складывание евангельской легенды о земной жизни Иисуса Христа-Бога и апостолов, привязанной к временам тетрарха Ирода и разрушению римлянами Иерусалимского храма. Появление прототипов синоптических евангелий, написанных на основе Евангелия Евреев. Появление двухуровневой церкви – посвященных и обычных мирян. Написание Пастырских посланий, именованных ап. Павлом (1 и 2-е Тим и Тит)</i>
117–138	Адриан – император Рима	ок. 126	<i>«Апология» Кодрата</i>
ок. 120	Светоний пишет об изгнании (в 50 г.?) из Рима «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом (Chrestus)»	125–225	Запись древних гностических текстов (обнаруженных в наше время в Наг-Хаммади). <i>Образование большого числа церкви обычных мирян, широкое утверждение мифологизированного представления, тяготеющего к ритуализму и</i>

		ок. 130 ок. 130	<i>догме, появление христианских фанатиков и ненавистников эллинизма. Борьба за складывание мировоззренческих и догматических основ будущей массовой религии. «Апология» Аристида. Послание Варнавы (антииудейское)</i>
132–135	Восстание иудеев во главе с Бар Кохбой	ок. 130 кон.120-х и 130-е	<i>Рождение Иринея (Лионского). Выступление гностиков Саторнила (в Антиохии) и Василида (в Александрии)</i>
135	Окончательное разрушение Иерусалима и основание на его месте Элии Капитолины	136–140	Выступление в Риме гностиков – Кердона и Валентина
138–161	Антоний Пий – император Рима	ок. 140 140 140-е нач. 140 с 140-х 140-е– 150-е 144 140-е 150-е	Прибытие в Рим Маркиона. Пий I избран епископом Рима, на место которого претендовал гностик Валентин. « <i>Пастырь</i> » <i>Герма</i> . <i>Выступление Иустина Мученика</i> . Деятельность валентинианца Птолемея. Деятельность гностика Карпократа. Разрыв Маркиона с церковью. «Антитезы» Маркиона. Расцвет влияния Маркион
151–152	Платоник Алкиной (автор «Дидаскалика») учит в Смирне	150-е кон. 150-х ок.155 ок.155– 166 156 (?)	<i>Выступление Татиана. «Диалог с Трифоном» Иустина. «Речь против эллинов» Татиана</i> . Прибытие в Рим карпократанки Марцелины. Выступление Монтана и начало катафригийских пророчеств
161–180	Марк Аврелий – император Рима	160-е 160-е ок. 170 160-е –	Скончался гностик Валентин. <i>Деятельность Татиана</i> ; его разрыв с церковью. Четвероевангелие (Diatesseron) Татиана. <i>Деятельность</i>

		170-е 174–189 170-е 170-е	<i>Сардинского и Аполлинария Иеропольского (речь Аполлинария к Марку Аврелию). Кончина их ок. 180 г.</i> <i>Элевферий, двенадцатый епископ Римский.</i> Разгар монтанизма; смерть Монтана. Начало деятельности гностика Вардесана
ок. 176	Книга Цельса «Истинное Слово» против христиан	177 178 ок. 178	<i>Гонения на христиан в Лионе и Вьенне. Смерть епископа Лиона Пофина.</i> <i>Поездка Иринея Лионского в Рим по поручению Галльских церквей. Занятие Иринеем лионской кафедры.</i> <i>«Прошение за христиан» Афинагора</i>
170-е – 189	Чума, принесенная войсками из Месопотамии, распространилась до Рейна. Возобновившаяся в 180 г. чума убивает императора Марка Аврелия	при Элевферии 174–189	Выступление в Риме монархиста Праксея. Ноэт в Смирне.
180–192	Коммод – император Рима	180-е	<i>Пантен во главе Александрийского училища</i>
183	Неудачный заговор знати против Коммода и последующие казни. Ссылка, а затем казнь Коммодом своей жены и сестры. Наложница Коммода христианка Марция	180–185 ок. 185	<i>Книга Иринея Лионского «Против ересей». Книга Феофила Антиохийского «К Автолику».</i> <i>Рождение Оригена</i>
186	Восстание в Галлии (в том числе – Лионе): бывший солдат Матерн организывает армию и промышленляет бандитизмом, открывает тюрьмы и пр.	со 188 по 231	<i>Дмитрий становится епископом Александрийским; в конце жизни он враг и гонитель Оригена</i>
189	Голодный бунт в Риме. Коммод выдает своего любимца разъяренной толпе	189–198 ок. 190	<i>Виктор, тринадцатый епископ Римский, вместе с Иринеем Лионским реформировал христианство.</i> Выступление в Риме Феодота Кожевника

191	Проявление необычайной жестокости Коммода	190–191	<i>Спор о Пасхе и отлучение Виктором малоазийских церквей</i>
193	Пертинакс (с 1 января по 28 марта) – император Рима	190е–202	<i>Климент Александрийский во главе Александрийского училища</i>
193–197	Гражданская война	ок. 197	<i>«Апология» Тертуллиана</i>
193–211	Септимий Север – первый «солдатский» император Рима	198–217 ок. 200 ок. 200 202–203 ок. 203 203	<i>Зеферин, четырнадцатый епископ Римский. Смерть Ириней Лионского. Монархиане в Риме: Феодот Банкир и Асклепиад. Гибель в Александрии во время местных гонений на христиан Леонида – отца Оригена и др. Открытие Аммонием Саккасом ¹ в Александрии Теософской школы, в которой обучался Ориген, а позднее – Плотин. Ориген во главе Александрийского училища</i>

¹ Аммоний Саккас (ум. ок. 242 г.) – сын родителей-христиан, открыл в Александрии школу восточного мистицизма и пифагорейско-платоновского гнозиса, последнее Училище древнего мира, синтезировавшее Мудрость Востока и давшее импульс гностическо-философским и неоплатоническим системам последующих веков (см.: Е.П.Б.Т.Д. т.3/5, с.290-291). (Здесь и далее используется сокращение для книги: *Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т.3/5, М., «Сиринь», 1993*, составляющая два (три с дополнениями) тома и изданная в пяти книгах: 1/1, 1/2, 2/1, 2/2, 3/5).